

МАЙЯ ИЛИШ

КОМНАТА КУКОЛ

Annotation

У нее, сироты из приюта, не было ничего... Только медальон на цепочке, тайна прошлого, которую за четырнадцать лет девочка так и не отважилась открыть. Ведь там была надежда... А оказалось — щепотка серебристой пыли. Мгновение — и Флоранс проснулась... Сотни кукол в доме Молинье, в комнате, куда не заглядывал посторонний глаз, показали ей свое истинное обличье. Флоранс узнала, кто она: фея, хранительница бездомных душ. И поняла, что тот единственный, кто мог бы стать ее спасителем и другом, — потомственный охотник на таких, как она...

Майя Илиш

Комната кукол

Посвящается моим дорогим Андреа и Зое.

*Спасибо вам за все — я помню прекрасные годы и то дупло
старой ивы*

Они нарядили меня в белое платье. С этого-то все и началось.

— Мы будем называть тебя Флоранс, — сказали они. — Флоранс — это французское имя. Куда красивее, чем английское Флоренс.

Я слушала их и кивала. У меня еще никогда не было белого платья. И звали меня вовсе не Флоранс.

Собственно, все началось куда раньше. Всегда есть «раньше», а вот настоящего начала никогда не бывает. Но я хочу начать свой рассказ с того дня, когда в приют Св. Маргариты приехал один джентльмен. «Школа Св. Маргариты для падших дочерей» — так мы называли наш приют, тайком, конечно. Падших — как падшие женщины. Было в этом что-то распутное, и нам это нравилось. Такой уж у нас был возраст. Директриса об этом, конечно, не подозревала. Ее звали мисс Монтфорд, и выглядела она, как и надлежит женщине на такой должности: острый подбородок и маленький тонкогубый рот, в зависимости от ситуации выражавший разную степень презрения. Итак, я жила в сиротском приюте.

Во всем Лондоне и окрестностях едва ли нашлось бы более викторианское заведение — уж мисс Монтфорд постаралась: она доходила до крайности в своем стремлении быть викторианской женщиной старого толка. Да, она знала, что королева Виктория уже давно умерла, — не зря же она тогда много недель заставляла нас ходить в трауре. Я прекрасно помню день, когда королева умерла. Мне тогда было семь лет, я только что потеряла свою лучшую и единственную подругу, а скорбеть приходилось о какой-то старой толстухе с вислыми щеками, которую я никогда в жизни не видела. У каждой девочки в приюте Св. Маргариты был человек, по которому они скорбели, а вовсе не по королеве. Большинство еще помнили, как умерли их родители или дедушки с бабушками, и хотя своих родителей я не знала, мне тоже пришлось познать горечь утраты. Нам было наплевать на старую королеву, но раз уж мисс Монтфорд объявила траур, мы предпочитали с ней не спорить. Мы всегда подчинялись, когда мисс Монтфорд чего-то от нас требовала. Избавиться от сироты было куда легче, чем от бездомного пса. Если псов не кормить несколько дней, они хотя бы могут попытаться сожрать друг друга — у нас, девчонок, такой возможности не было. Как школьный учитель, так и мисс Монтфорд всегда носили с собой розги, которыми били нас по пальцам, когда мы не слушались. А если мисс Монтфорд не замечала чьей-то оплошности, всегда находились девочки, готовые наябедничать — хотя бы потому, что после этого никто не станет бить розгами по пальцам их самих по крайней мере полдня. Вечера мы проводили за шитьем — продавая поделки, мы зарабатывали себе карманные деньги, а главное, так наша директриса могла позволить себе закупить достаточное количество еды. А шитьем куда легче заниматься, когда у тебя не болят все кости в руке.

Я бы предпочла порку, но порка предполагала соприкосновение с теми частями нашего тела, о которых пристойным девочкам-сиротам и задумываться было нельзя. Мы ведь должны быть набожными, чистыми духом и знать, что прилично, а что нет. Наверное, именно по этой причине мисс Монтфорд уже после смерти королевы Виктории так долго не убирала ее портрет из коридора — она и подумать не могла о том, что ее девочки каждое утро будут видеть на стене портрет мужчины, да еще и мужчины со столь сомнительной репутацией! И пусть за пределами приюта страной правил король Эдуард VII, мы были и оставались истинными викторианскими девочками, во всяком случае до тех пор, пока не

покидали это заведение.

Три пути вели из приюта Св. Маргариты. Первый путь — смерть. Страшная, печальная, но в то же время до странного повседневная. Я, конечно, не помню ни одной девочки, которая действительно умерла бы от голода в приюте, но никто из нас не питался нормально и потому не мог выжить в случае серьезной болезни: коклюш забирал самых маленьких, скарлатина — девочек постарше, а воспаление легких — самых старших. Смерть была непривередлива в своем выборе, и удивительно, сколько сирот в этом приюте действительно доживали до того дня, когда им открывался второй путь. Окончив школу, девочки уже могли сами зарабатывать себе на жизнь, но едва ли их работа где-нибудь на фабрике позволяла вести жизнь лучше, чем в приюте. Впрочем, что может быть лучше хорошей подготовки к бедности и лишениям? Третий путь, удочерение, был единственным, на что можно было надеяться. Именно поэтому едва ли многим из нас предстояло ступить на эту дорожку. Нечасто бывало, чтобы в приют заглядывали джентльмены, тем более в одиночестве. Если речь шла об удочерении, то в приют в основном приходили супружеские пары, да и вообще: кто в здравом уме захочет удочерить девочку из приюта Св. Маргариты? Дом, казалось, был придуман каким-то жалким подражателем Диккенса, который публикует главы своих романов в дешевых газетенках — знаете, из тех газет с влажной краской, оставляющей черные следы на руках. Снаружи сооружение казалось большим и темным. Темным оно было и внутри — но уже не таким большим: три спальни для девочек, кухня, столовая и комната для шитья. Конечно, мисс Монтфорд содержала в порядке и подсобные помещения, но все они были крошечными, словно приют так старался произвести благоприятное впечатление своей наружностью, что на внутреннее убранство сил у него уже не осталось. В здании царил такой холод и бушевали такие сквозняки, что готовая удочерить кого-то из девчонок мамочка сразу задумывалась о том, не умрет ли ее избранница от чахотки через год-полтора, а такие мысли, знаете ли, не способствуют радости удочерения.

Мы, бедные воспитанницы в этом приюте, должны были рассчитывать на то, что рано или поздно попадем в работный дом, если, конечно, кто-нибудь не захочет взять нас на работу служанками, ведь господам неважно, когда и по какой причине их служанка умрет от чахотки. Найти замену прислуге куда легче, чем дочери. Итак, либо фабрика, либо работа служанки. Мы не могли решить, какая участь хуже, и потому возлагали большую надежду на удочерение, хотя и случалось такое крайне редко. Никому не приходилось напоминать нам, что, когда какие-то заинтересованные в удочерении господа предупреждают директрису о своем намерении приехать в приют, волосы надо зачесывать на ровный, как струночка, пробор, ногти чистить, а губы растягивать в милейшей улыбочке.

Но джентльмен, в тот судьбоносный день прибывший в приют Св. Маргариты, не предупредил директрису о своем приезде. Безусловно, это мог быть хитро продуманный ход: так у него получилось бы застать врасплох тех девочек, которые не всегда зачесывали волосы на ровный пробор и не всегда чистили ногти. Джентльмен, похоже, торопился. Ну конечно, если тебе предстоит такое важное дело, как удочерение, не стоит торопиться, но даже при тщательной предварительной подготовке выбор из шестидесяти девочек, выставленных в три ряда по росту и одетых в одинаковые темно-синие платица, да еще и с одинаковыми туго заплетенными косами... в общем, такая ситуация мало отличалась от выбора щенка из огромного выводка. Да и вообще, может быть, этот джентльмен приехал сюда вовсе не с целью удочерить кого-то. Девочки постарше и так уже утратили всякую надежду — если тебе исполнилось четырнадцать лет, считай, ты практически закончила школу и уже одной ногой

в работном доме. Для удочерения куда лучше подходят маленькие девочки. Те, кто недолго пробыл в приюте, чтобы исхудать от скудной пищи, которую готовила миссис Хьюберт, наша кухарка. Те, чьи ямочки на щеках еще не разгладились от истощения. Те, чьи волосы еще курчавились, не поседевшие от постоянного заплетания в тугие косы. После определенного возраста никого уже не удочеряли. Но всегда можно было надеяться, что когда-нибудь в приют явится какой-нибудь джентльмен, пройдет вдоль ряда девочек и объявит, что одна из них — на самом деле давно потерянная наследница графа Лестера (вы только посмотрите, вот его завещание). Джентльмен усадит эту счастливицу в роскошную карету и отвезет в дом, которому предстоит стать ее резиденцией.

Но с этим джентльменом все было иначе. Он наводил девочек совсем на другие мысли. Высокий, худощавый, узкоплечий, он явно никогда в жизни не работал, а если и работал, то это был не физический труд. Но сколько же в нем было достоинства и изящества! Точеные черты, печальная складка у рта, темные круги под глазами, скорбное лицо — он словно убежал от одной из сестер Бронте, прежде чем она успела сделать его героем своей следующей книги. Черные волосы, темные глаза, черный костюм — он напоминал очень серьезного ворона. От его пронзительного взгляда каждый чувствовал себя мелким и ничтожным, но в то же время каким-то возвышенным — просто потому, что этот господин изволил обратить на него внимание. Я посмотрела на него и сразу поняла, какие романтические мысли закрались в головы тех девочек постарше, которые, как и я, стояли в заднем ряду. Но не мне. У меня не было романтических фантазий о том, как какой-то

мрачный незнакомец появляется в моей жизни и увозит меня в имение своей семьи. Я, конечно, была бы не против, чтобы меня удочерили, но и в этом случае я не собиралась надолго задерживаться у приемных родителей. Моя мечта — и не знаю, сочтет ли кто-то, кроме меня, ее романтической — состояла в том, чтобы устроиться в цирк. Меня завораживало это невероятное буйство свободы — каждый день оказываться на новом месте. С одной стороны — нелегкая жизнь цирковой артистки, с другой — бурные аплодисменты, а я — посередине, высоко в воздухе, совсем одна на канате. Я воображала, что где-то освободилось место цирковой эквилибристки — например, после того как Эльвира Мадиган □ сбежала со своим лейтенантом. Меня мало волновало, что эта история произошла двадцать лет назад — романтические мечты обычно никак не связаны с реальностью. Иногда мне представлялась Эльвира: милое личико, длинные распущенные волосы, которым я так завидовала. Эльвира нашептывала мне, что сделала все это ради меня, чтобы я могла попасть в цирк. Впрочем, я никогда не понимала эту актрису. Зачем сбегать с каким-то лейтенантом, если он тоже мог остаться в цирке и выступать с ней на канате? Поэтому поделом им, что они оба в итоге застрелились. И я делала все от меня зависящее, чтобы эта моя мечта когда-нибудь сбылась. Когда никто за мной не следил, я тренировалась на балюстраде балкона на втором этаже. Конечно, я могла упасть и переломать себе все кости, да и шею заодно, но от этого было только интереснее. Я танцевала на перилах, но нужно было тщательно следить за тем, чтобы никто меня не застукал. Мисс Монтфорд неодобрительно относилась к циркам, еще неодобрительнее — к цирковым эквилибристкам, и уж совсем терпеть не могла девушек, которые носили волосы распущенными и стригли челку, как моя дорогая Эльвира. Но я постоянно думала о цирке. Иногда мне даже казалось, что было бы здорово выступать с акробатическими номерами на спине лошади в галопе — интересно, можно ли эквилибристке исполнять подобные трюки? Я была не такой, как другие девочки, хотя — благодаря приюту — выглядела в точности как они.

Поэтому когда однажды к нам в приют явился этот джентльмен и все выстроились в три ряда, я оставалась спокойной. Даже тогда, когда он посмотрел на нас и сердца всех девчонок вокруг забились чаще. Да, вынуждена признать, выглядел он отлично, этот мрачный незнакомец, но он ничуть не походил на директора цирка. Его черный костюм скорее наводил на мысли о директоре похоронного бюро. В общем, на тот момент он меня совершенно не заинтересовал.

— Девочки, — сказала мисс Монтфорд. — Это мистер Молинье. Он приехал посмотреть на вас.

От этих ее слов я почувствовала себя экспонатом на сельскохозяйственной выставке. Кто из нас выиграет конкурс «Самая жирная свинья»? Никто, наверное, слишком уж мы все худые. А кто тут корова с самыми красивыми глазами? Я увидела, как Милдред, стоявшая слева от меня, чуть согнула колени. Она была довольно высокой и теперь старалась выглядеть ниже и милее. А справа от меня хрупкая и невысокая Колин поднялась на цыпочки и выпятила грудь. Но пока мы не знали, зачем приехал сюда этот джентльмен, мы могли лишь гадать, что он хочет увидеть. Я не стала ни вытягиваться, ни пригибаться. Но если он спросит, кто тут умеет танцевать на балюстраде, я сразу же выйду вперед.

— Дорогие мои девочки, — начал джентльмен. — Вы все сироты.

Как будто мы сами этого не знали... к тому же это не вполне правда. Не все тут сироты. Чтобы быть сиротой, нужно вначале иметь родителей.

— Как мило с вашей стороны, что вы все собрались здесь.

Голос у него был тихий, бархатный, немного меланхоличный. Ну а какой еще голос может быть у человека с такими темными кругами под глазами?

— Мы с сестрой ищем одну девочку... Особенную девочку.

При этих словах уголки его губ чуть дернулись вверх. Сердца вокруг застучали громче. Сестра! Он сказал «мы с сестрой», а не «мы с супругой»! Может быть, еще удастся завоевать его сердце? Я незаметно покачала головой. Может, он, конечно, и джентльмен, но как по мне — слишком старый. Ему уже точно за сорок!

— Моей сестре сейчас нездоровится, поэтому она не смогла сопроводить меня сюда, и нелегкое бремя выбрать кого-то из вас легло на мои плечи.

Говоря это, он переводил взгляд с одной девочки на другую и ни к кому не присматривался внимательнее, как бы она ни старалась казаться выше или ниже.

— Но сестра попросила меня задать вам один вопрос. — Он отступил на шаг, чтобы увидеть всех нас одновременно, шестьдесят девочек в три ряда. — Кто из вас любит играть в куклы?

Это мог быть вопрос с подвохом, чтобы отличить девочек постарше от тех, кто помладше, и трудолюбивых от избалованных. И пока никто не знал, кого же он тут ищет, большинство не решалось поднять руку, кроме самых маленьких в первом ряду — да и все равно было ясно, что такие малышки от кукол не откажутся. Но когда в руках мистера Молинье вдруг появилась кукла, руки потянулись вверх.

Я смотрела на куклу и думала, откуда же она взялась. И это была не маленькая игрушка, а большая настоящая кукла, белокурая, в роскошном рубиново-красном платье с кружевными рюшами и тремя нижними юбками.

Наверняка кукла была французской. Ни у кого из нас такой не было. Самые мелкие засматривались на таких кукол в витринах магазинов, и на Рождество их сопливые носики примерзали к стеклу. А уж с каким негодованием смотрела на них мисс Монтфорд, когда эти бедняжки возвращались в приют все в слезах и с распухшими носами!

Но откуда же все-таки этот джентльмен достал куклу? Костюм у него был довольно тесным, едва ли куклу такого размера спрячешь под пиджаком. И я могла бы поклясться, что до этого в руках у него ничего не было. В цирке выступали и фокусники... Внезапно мое мнение об этом человеке изменилось. Пока все вокруг таращились на милое личико с огромными голубыми глазами, крохотным, как у нашей директрисы, ртом и тонкой улыбкой, я думала об этом странном незнакомце. Но руку так и не подняла.

Я попыталась вспомнить, действительно ли видела его руки или же он все время просто прятал их за спиной? Может, он потому показался мне похожим на ворона, что его руки напоминали крылья? Я прищурилась. Не знаю, работает ли он в цирке, но этот фокусник в точности знал, как повернуть такой трюк. Не наколдовал же он куклу из воздуха, в конце концов.

А потом джентльмен посмотрел на меня. Я увидела, как он смерил меня взглядом — и, может быть, даже слегка улыбнулся. Я едва заметно кивнула в ответ.

— А ты, девочка? — спросил он.

Он мог обращаться к каждой из нас, но мы все знали, что он имеет в виду меня.

— Ты не любишь играть в куклы?

— Нет, — ответила я. — Не люблю.

— Если не возражаешь, мне бы хотелось узнать почему.

Конечно, я не возражала.

— Куклы мертвые и не будут со мной разговаривать. Кукла не даст мне того, что подарит книга.

Я прикусила губу. Ни для кого не было тайной, что я люблю читать, но едва ли стоило высказываться столь прямо при мисс Монтфорд. Девочка, у которой есть время на чтение, могла бы заняться чем-то другим, куда более полезным.

— Жаль, — хмыкнул джентльмен. — Очень жаль.

И отвернулся. Я поняла, что мы с ним не сработаемся. И так будет лучше для нас обоих.

— Но вы, остальные девочки, вы-то любите кукол?

Все судорожно закивали — и неважно, искренне или приторно. Я была уверена, что старшие уже переросли кукол. Но лучше играть, чем работать на фабрике, верно?

Мистер Молинье отступил еще на шаг.

— Кто из вас хочет получить эту куклу?

И снова все подняли руки, кроме меня. Никто больше не сдерживался. Младшие хотели куклу, старшие — заполучить этого красавца. Но кроме меня, похоже, никто не заметил, что джентльмен закрыл глаза и о чем-то задумался, не обращая внимания на поднятые руки девонок. В конце концов он опять вышел вперед, быстро и решительно, и сунул куклу в руки одной маленькой девочке в первом ряду. Сзади я не могла разобрать, кто она, с этими косичками все выглядели одинаково. Но я знала, кто где стоит, ведь на этой процедуре у каждого было свое место. Счастливицей оказалась малышка Элеонора, милая Элеонора. Она совсем недавно осиротела, поэтому на ее щеках еще теплился румянец, и девочка была очень хорошенькой, так что неудивительно, что вскоре она нас покинет.

— Вот, возьми, — сказал мистер Молинье, но больше не удостоил Элеонору и взглядом. Он повернулся ко мне. — А ты пойдешь со мной.

Я на всякий случай оглянулась по сторонам. Наверное, он имел в виду Колин или Милдред, я ведь не дала ему никаких причин выбрать именно меня. Но джентльмен кивнул и указал на меня:

— Да, ты. Поторапливайся, у нас не так много времени.

Я была, мягко говоря, потрясена. Если бы у меня нашлось время задуматься, то я, пожалуй, и вовсе впала бы в панику. Но я, как и все остальные здесь, знала: если у тебя появляется возможность убраться из приюта куда подальше, за такой шанс стоит ухватиться, не задавая вопросов. Этот мужчина хотел взять меня с собой? Что ж, я возражать не стану. Я вышла из строя и с вызовом посмотрела на мисс Монтфорд. Теперь она должна была решить, что делать дальше. Мисс Монтфорд могла не отпустить меня с этим человеком. Но на самом деле ей будет только на руку, если мистер Молинье меня заберет. Одной наглой эквилибристкой меньше. Мисс Монтфорд только порадуетя.

— Она должна собрать свои вещи, — сказала директриса.

— Я так не думаю. — Джентльмен уже устремился к выходу. — Я не вижу тут ни одной вещи, которую хотел бы привезти к себе домой.

Он имеет в виду мои платья? Да, это я прекрасно понимала, я бы тоже не согласилась везти к себе домой такие наряды.

— Мои книги... — пробормотала я.

Книг было всего три, и я практически выучила их наизусть — Библия, старый альманах 1903 года, который я спасла от незавидной участи сожжения в камине, и потрепанное издание Энн Бронте «Агнес Грей». На самом деле ни одна из этих книг мне не нравилась так, как романы, которые я тайком брала в библиотеке, но речь шла о принципе.

Джентльмен покачал головой:

— Любую книгу, которая тебя интересует, ты найдешь у меня дома. А теперь пойдём.

Его бархатный голос теперь звучал резко, и на лице пролегли глубокие морщины, которых только что там не было. Сейчас он казался намного старше, чем раньше. Его слова заставили меня задуматься — я расслышала в них какую-то угрозу. С другой стороны, книги в доме... Это звучало заманчиво.

Я кивнула:

— Ну хорошо. Я готова.

Снаружи шел дождь. В такие дни всегда идет дождь, но мистер Молинье, конечно же, приехал сюда в карете или на дрожках. Он казался слишком старомодным, чтобы разъезжать в автомобиле. Старомодным, сдержанным и рациональным. Ну ладно, уж как-то я доберусь туда, куда он собирается меня отвезти. А если мне не понравится... Наверняка где-нибудь неподалеку найдется цирк.

Следуя за джентльменом на улицу, я чувствовала себя уязвимой. И дело не в том, что из приюта я ничего не взяла. Скорее, меня беспокоило, как этот человек вырвал меня из привычной среды. Я смогла лишь походя попрощаться с остальными девочками и помахать им рукой. Мне не дали обнять их на прощание. На самом деле мне вовсе не хотелось обнимать каждую из них, но как-то уж слишком быстро все произошло.

Найдется кто-нибудь, кто заберет себе мою Библию и две другие книги. Едва ли их бросят в огонь. А моя одежда принадлежала мне до тех пор, пока была по размеру. Потом предполагалось, что я отдам ее какой-нибудь девочке помладше. В комнате у моей кровати не осталось ничего, о чем стоило бы беспокоиться. А остальным девочкам эта история станет уроком — в следующий раз, когда в приют явятся какие-нибудь джентльмены, которым не терпится поскорее удочерить кого-нибудь, девочки возьмут с собой в зал все ценное. Было бы жаль оставить в приюте, например, медальон с локоном умершей матушки. Но если у кого-то из девочек и был подобный медальон, едва ли она стала бы его снимать. Я вот не допустила подобной глупости. Когда-нибудь этот медальон позволит мне понять, зачем он вообще у меня появился. По крайней мере я пойму, кем были мои родители. И кто я такая.

Да, я немного волновалась, следуя за мистером Молинье по улице. Он шел очень быстро, ноги-то у него были длиннющие. Ну а учитывая, как на улице моросило, я его прекрасно понимала. Я ожидала, что его карета стоит у двери, но нам пришлось дойти до соседнего квартала, что меня очень удивило, ведь перед приютом было достаточно места. На углу соседней улицы нас ждал черный крытый экипаж, достаточно просторный, что немало меня порадовало: значит, нам с мистером Молинье не придется там тесниться. Поскольку после выхода из приюта он не удостоил меня и взглядом, я подозревала, что поездка предстоит не из приятных, — впрочем, это же не загородная прогулка, чтобы приносить удовольствие.

Кучер, чей цилиндр полностью защищал от дождя, спрыгнул с козел, открыл дверцу и помог своему господину забраться внутрь. Пропустив мистера Молинье, я ждала, что он пригласит меня внутрь. Когда-то же ему придется со мной заговорить! Я не знала, что ему нужно, и это меня тревожило. Нельзя сказать, что мне было страшно, но в целом ситуация немного раздражала. Рано было радоваться. Он еще не сказал, ищет девочку для удочерения или ему просто нужна служанка, которая будет ухаживать за его сестрой. Все это было очень загадочно, а я прочла немало романов ужасов, чтобы отбросить недоверие и не думать о

разнообразнейших чудовищных неприятностях, в которые могу угодить. Едва ли в этот момент нашлось бы что-то, на что я не сочла бы мистера Молинье способным. Но я старалась, чтобы он не заметил моего смятения. Что бы меня ни ожидало, нельзя выказывать страх. Даже если мое будущее обернется сущим кошмаром, кошмаром было и мое прошлое. Главное, что я выбралась из приюта Св. Маргариты. И я только начинала это осознавать. Кем бы я ни стала у мистера Молинье, я больше не могла считаться «падшей дочерью».

— Садись, — сказал мне кучер. — Тебе помочь?

Я гордо покачала головой. Эквилибристка сумеет сама сесть в экипаж. Итак, я ловким движением запрыгнула в карету, радуясь, что никому не доставляю хлопот. Я уже раздумывала над тем, о чем мы будем говорить с мистером Молинье по дороге. Но тут оказалось, что напротив меня сидит какая-то незнакомая леди.

Она выглядела изумительно. Очень бледная — но, может быть, мне так просто показалось, в конце концов, в карете было довольно темно, свет проникал только в открытую дверцу, а когда кучер ее захлопнул, вокруг воцарился полумрак. Небольшие окошки были задернуты черной тканью, очень подходившей к мрачному экипажу, запряженному вороными скакунами. Но если леди нездоровилось, она могла не переносить яркий свет. А если она постоянно сидит за задернутыми занавесками, ничего удивительного, что она такая бледная. На голове у нее красовалась широкополая шляпа по последней моде — наверное, такая шляпка должна была компенсировать простые безыскусные платья, которые сейчас принято носить. Но вот платье у этой дамы оказалось старомодным — кринолин занимал пол-экипажа. И шляпка, и платье были розовато-сиреневого цвета. Джентльмен устроился рядом с ней на сиденье, и в полумраке я едва могла разглядеть его лицо. Карета, качнувшись, тронулась с места, и я поспешно уселась напротив моих спутников, спиной против движения.

— Так, значит, это она? — спросила леди.

— Да, она, — ответил джентльмен.

Мне показалось, что оба говорят с каким-то скепсисом, может, даже с неодобрением. Но что бы их во мне ни смутило, я на это никак повлиять не могла. Тем не менее мне стало обидно. Из всех этих девочек они выбрали именно меня — значит, им стоило смириться с тем, что я — это я и я не похожа на остальных.

Я откинулась на спинку сиденья, скрывая лицо в полумраке. В своих мечтах я стояла, ликуя, под светом софитов, но я и сама умела наблюдать за другими — этому искусству учится любая уважающая себя сирота. Не бросаться в глаза, когда сама не хочешь этого. Это умение не раз меня спасало — как от мисс Монтфорд или кухарки, так и от других старших девочек. Пускай мистер Молинье говорит со своей сестрой, мне так даже лучше.

— Единственная? — спросила леди.

— Мне показалось, что я увидел еще двоих, но они, с моей точки зрения... не подошли бы.

— Как бы то ни было, это больше, чем в других приютах, куда мы ездили.

Они замолчали. Карета мерно покачивалась. А я могла подумать. В Уиттоне было всего два сиротских приюта, и во втором содержались мальчики. Значит, они ездили в Лондон. Им нужна была только я? Или они искали целую толпу девочек? Но для чего? Неважно. Мне должно быть все равно. Они меня выбрали — а если при этом выбор у них был куда шире, чем я полагала изначально, то это мне только льстило.

— Пора ехать домой, — сказал сестре мистер Молинье. И вдруг (я уж думала, этого не

случится) он подался ко мне, будто вспомнив о моем существовании. — Ты знаешь, почему мы тебя выбрали и для чего?

Я покачала головой.

— Если бы вы мне сказали... — Я притворилась скромницей.

На самом деле я была не в той ситуации, чтобы дерзить. Они еще могли передумать или вернуться. Или даже просто высадить меня посреди улицы. Не то чтобы я была против — оказаться на свободе было бы здорово! — но я хотела сама определить время, когда начнется мое великое приключение.

— Пока я предпочту этого не делать. — Мистер Молинье улыбнулся. — Тебе это покажется бессмыслицей, и мне придется объяснять все еще раз, когда мы приедем в Холлихок. Чтобы понять, тебе нужны будут глаза, а не только уши.

Мне сразу понравилось название этого имения. Холлихок. Куда лучше, чем приют Св. Маргариты. Усадьба Холлихок.^[2] Мальвовая усадьба. Я представила имение в глуши, вдали от цивилизации, старый дом, в котором живут только брат с сестрой, их кучер и старый, почти слепой слуга. И конечно, с этим домом будет связана какая-то тайна. Не бывает старых домов без тайн.

— Я так понимаю, вы меня взяли не для удочерения? — Раз уж он обратил на меня внимание, стоило хотя бы попытаться осторожно задать этот вопрос.

— Ты еще узнаешь, зачем мы тебя взяли, — отрезал джентльмен. — И тебе понравится. Нам не нужна несчастная маленькая девочка в доме. Будь умницей, придерживайся правил, и тогда нам не придется тебя наказывать. Мы не любим несправедливость. Это слишком хлопотно.

И снова в слабом свете, проникавшем из-за занавесок, я увидела, что он улыбается.

— Как скажете, мистер Молинье, сэръ. — Я кивнула и повернулась к его сестре: — Мадам...

Мне нравилось такое обращение. Хорошо, что они не заставят меня называть их «мама» и «папа». Едва ли я смогла бы произнести эти слова, слишком уж они казались чуждыми. Молинье — не мои родители, не моя семья. И они должны знать, что я не только мирюсь с этим фактом, но и рада этому. В противном случае все только осложнилось бы. Правда, меня немного беспокоило, что они до сих пор так и не спросили, как меня зовут. Мне бы не хотелось, чтобы меня до конца жизни — или, во всяком случае, до совершеннолетия — называли «девочка». Я и так знала, что я не мальчик.

— Ты показал ей куклу? — спросила леди у своего брата. Не у меня — прежде чем она ко мне обратится, пройдет еще несколько часов.

— Конечно. Она отказалась.

— И где кукла теперь?

— Я отдал ее одной из тех дурочек. Она нам больше не нужна.

Я впервые услышала от мистера Молинье слово, которое подходило бы к его презрительному взгляду.

— Эта ей не принадлежала? — Леди, казалось, говорила сама с собой.

— Нет, — ответил мистер Молинье. — Нет, конечно.

И опять воцарилась тишина. Может быть, дело было в моем присутствии. А может, они просто уже столько времени провели в обществе друг друга, что теперь им нечего было сказать. Как бы то ни было, за все остальное время в дороге они не произнесли ни слова.

Поездка была долгой. Я ожидала, что ближе к вечеру мы где-нибудь остановимся, и представляла себе, как было бы здорово переночевать в настоящей гостинице. Где бы меня разместили? На конюшне? В комнате с господами Молинье? А может, мне бы даже сняли собственную комнату? Но ничего такого не произошло. Повозка все ехала и ехала, становилось все темнее, и тряска кареты, к которой я быстро привыкла, вогнала меня в сон. Я лишь успела подумать, что ничего не ела и не пила после обеда в приюте, а это было так давно. Но я не хотела жаловаться — в конце концов, Молинье тоже ничего не ели и не пили во время поездки. И хотя я намеревалась понаблюдать за ними обоими, в итоге я просто заснула, и все вышло совсем наоборот.

Так я проспала большую часть пути, поэтому потом не могла сказать, сколько же на самом деле длилась эта поездка. Я так крепко спала, что даже не заметила, сменили ли мы в дороге лошадей. Хотя, может, наш экипаж тянули две сестренки легендарной Черной Бесс, лошади ужасного разбойника Дика Турпина.^[3] Говаривали, что когда-то он за сутки проскакал на ней из Йорка в Лондон и обратно. А правил этим экипажем, должно быть, сам Дьявол. По крайней мере именно таким виделся мне кучер во сне: рогатый демон, подгонявший лошадей, чьи копыта уже не касались земли. А мистер Молинье... И его сестра... Они были... Во сне я знала, кто они. Но стоило мне проснуться — и я все позабыла. Так уж устроены сны.

Я проснулась, и образ дома, только что видевшийся мне так ясно, развеялся. Но меня это несколько не беспокоило. Вскоре я увижу настоящее поместье — как только мы приедем туда. Холлихок. Не цирк, конечно. Но мой новый дом.

Чья-то рука легла на мое плечо и легонько тряхнула. Странно, что я от этого проснулась — в дороге карета тряслась куда сильнее. Но тот, кто привык спать в кроватях в приюте, заснет где угодно.

И все же мне не хотелось открывать глаза. Я в последний раз попыталась удержать перед внутренним взором образы из сна. Этому тоже быстро учишься в приюте, ведь каким бы ужасным ни был сон, реальность окажется в разы страшнее. Но наконец я прищурилась, потянулась и оглянулась. В экипаже все еще царил полумрак, но свет был уже не коричневато-серым, а сиреневым. Он лился в распахнутую дверцу, и мне стало любопытно, что я увижу, выйдя из кареты. Но между мной и внешним миром стояла леди, сестра мистера Молинье.

— Хватит спать, — сказала она, наклонившись ко мне. — Пора вставать. Не будешь же ты жить в карете.

Это были ее первые слова, обращенные ко мне. Их можно было произнести с улыбкой, даже со смехом, но миледи говорила холодно и отстраненно, четко выговаривая каждый звук, словно этот язык не был для нее родным.

— Да, мадам.

Я старательно изобразила примерную девочку из приюта. «Говори, только когда тебя спрашивают» — это правило в наши головы вбивали с самого детства. И еще: «Детей должно быть видно, но не слышно». Да, я умела следовать всем этим правилам, когда требовалось.

— Спасибо, что вы и ваш брат взяли меня в свой дом.

— У тебя еще будет время поблагодарить нас, — ответила мисс Молинье. — А теперь идем.

Ее брата нигде не было видно. Впрочем, намного лучше, что меня разбудила леди, а не джентльмен. Не хотим же мы с первого дня дать слугам повод для досужих пересудов!

Я выглянула из кареты, и у меня едва не закружилась голова от свежего воздуха. Вообще, я должна была бы радоваться, что наконец-то могу выбраться из этого душного экипажа, пропахшего пылью, духами миледи и долгими годами простоя в сарае. Свежий воздух ударил мне в голову. Я почувствовала ароматы дома еще до того, как увидела его. Вернее, почувствовала ароматы сада. Меня окружало море цветов. Я таких еще никогда не видела — во всяком случае, в природе. В альманахе были черно-белые рисунки разных растений, и поэтому я знала названия многих цветов, ну и видела кое-какие растения на воскресных прогулках в парке, но такое многоцветное великолепие было для меня внове.

Я привыкла к запаху смога и тумана — в городе они окутывали даже парки, и все, что произрастало там, не имело ни малейшего шанса распуститься таким пышным цветом: вскоре все цветы становились черными от копоти и умирали. А вот Холлихок был окружен тысячами кустов и цветов, и я могла лишь предположить, что где-то здесь растет сирень, очень уж чувствовался ее аромат. И, наверное, мальвы, подарившие усадьбе ее название. Хотя я не знала, цветут ли мальвы в это время года. В Лондоне — нет, но тут было куда солнечнее. И наверняка тут работал отличный садовник... Мир расплывался перед моими глазами, и я видела лишь буйство ярких красок, розовый всех оттенков рассвета, и это было прекрасно.

Я моргнула. Мой взгляд прояснился, и теперь я наконец-то увидела дом. Он превзошел все мои ожидания. Впереди возвышалось кубическое основное здание с высокими колоннами и фронтонами в стиле классицизма. «Похоже, архитектура эпохи регентства», — подумала я. Благодаря обширным статьям в альманахе 1903 года и моим тайным визитам в библиотеку я немного разбиралась в архитектурных стилях. Слева и справа от основного корпуса виднелись пристройки, но тут я не могла разобрать, принадлежат они к той же эпохе или появились здесь уже позже. Одно дело — узнать элементы классицизма в стиле здания, но совсем другое — накопить глубокие познания в вопросах архитектуры. Альманах не заменял высшего образования. Я даже не видела, сколько каминов в Холлихоке. Раньше, когда мы отправлялись на прогулку, девочки развлекались игрой в «камины»: выигрывала та, которая находила здание с наибольшим количеством каминных труб. Но я стояла слишком близко к дому, чтобы разглядеть крышу, не говоря уже о трубах. Оставалось лишь надеяться, что тут есть какое-то отопление, предпочтительно — отдельный камин в моей комнате. Ну, можно же помечтать иногда.

Как бы то ни было, я сразу разглядела, что дом очень старый, достаточно старый, чтобы почувствовать неумолимый бег времени. Может, он казался немного ветхим, если такое вообще можно сказать о гордом огромном поместье, но ни в коем случае не мрачным. Стены были светло-серыми — этот цвет прекрасно сочетался бы с мальвами. Его нельзя счесть веселым — едва ли кто-то назовет веселым серый цвет, — но была в нем какая-то легкость. Учитывая, что я привыкла к приюту Св. Маргариты с его кирпичными стенами, почерневшими от смога, мне он вообще показался белоснежным. Тут было красиво, все сочеталось друг с другом, цветы перед входом разрослись без присмотра, а сам дом, хотя и казался немного запущенным, вызывал во мне смутное теплое чувство. Да, мне было хорошо. И я не привыкла к таким ощущениям.

На мгновение я пожалела о том, что вышла из экипажа так близко к дому и не видела, как выглядит Холлихок издали, не видела, как он постепенно проступает из-за деревьев в саду... Но едва ли следовало ожидать, что миледи согласится прогуляться пешком по дорожке от ворот имения. Сейчас ей оставалось только подняться на крыльцо, уж без этого никак не обойтись. Впрочем, мне предстоит жить здесь, а значит, у меня будет возможность

осмотреть и парк, и сад за домом. Конечно, если мистер Молинье и его сестра не собираются сделать из меня рабыню и посадить на цепь в подвале, что все еще было не исключено. Одно я поняла сразу: мистер Молинье предпочитал темные цвета, а его сестра — розовый, и этот дом принадлежал ей, а не ему. Бывают дома, которые терпеть не могут мужчин, и мне показалось, что Холлихок как раз из таких. Какое счастье, что я не мужчина!

— Идем, — повторила миледи.

Я поняла, что все это время стояла перед каретой как вкопанная, глядя на серое здание, будто никогда в жизни не видела домов. Мисс Молинье поднялась по лестнице, придерживая пышные юбки, и я, помедлив, последовала за ней. Интересно, мне и в дальнейшем разрешат пользоваться центральным входом или нужно будет попадать в дом через вход для слуг? Поживем — увидим. Но пока что все говорило о том, что я понятия не имею, какая судьба ожидает меня в Холлихоке. Еще никогда в жизни будущее не казалось мне таким неопределенным, как в тот миг на ступенях крыльца — между домом и каретой, надеждой и страхом. Теперь могло случиться все, что угодно.

Миновав колонны, я поняла, что пути назад нет. Конечно, его и раньше не было, но в двустворчатой двери словно таилась какая-то угроза, и мне представилось, что дверь захлопнется за моей спиной и я уже никогда не покину этот дом. Абсурдные мысли, вот уж об этом мне тревожиться точно не стоит. Абсурдными оказались и мои фантазии о старом и слепом дворецком. В холле приветствовать господ собрались слуги: дворецкий, два лакея, какая-то решительного вида женщина — видимо, экономка (она чем-то напомнила мне мисс Монтфорд) — и три горничные. Трех горничных на такой дом было вполне достаточно, поэтому едва ли и мне придется надеть такой чепец. Вообще, кому нужно объезжать несколько сиротских приютов в поисках горничной, если служанку можно найти на каждом углу, даже в таком захолустье?

Я, немного смутившись, остановилась за спиной леди. Дворецкий взял у нее шляпку и помог снять жакет, который я в неведении своем приняла за часть платья (в свое оправдание могу лишь сослаться на сумрак в экипаже и тот факт, что я в своей жизни видела маловато журналов мод прошлого столетия). Мой наряд смотрелся так жалко на фоне ее роскошного платья, что я изо всех сил старалась казаться как можно незаметнее. Впрочем, все эти старания были излишни — ни один из лакеев в темно-фиолетовых ливреях и ни одна из горничных в черных платьях не удостоили меня и взглядом. Если им и было любопытно, кто же я такая, их останавливало присутствие дворецкого и экономки со взглядом дракона. И только когда к сестре присоединился мистер Молинье, все с тем же неизменно мрачным выражением лица, кто-то обратил на меня внимание.

— Ты пойдешь с Салли, — распорядился он, оставив меня в догадках, которая из трех горничных имеется в виду. — Она покажет тебе комнату и выдаст подходящее платье.

Вот так я получила белое платье, новое имя и новую жизнь в усадьбе Холлихок. С этого дня всему предстояло измениться — но я не думала, что тут мне будет хуже, чем в приюте Св. Маргариты.

Меня поселили в комнате под крышей. Я не знала, хорошо это или плохо, ведь я впервые оказалась в усадьбе. То есть я предполагала, что на этом же этаже находятся комнаты слуг, но на самом деле мне было все равно. Комната! Собственная комната! Ну и что, что тут есть только кровать, столик с раковиной для умывания и узкий стенной шкаф. Ну и что, что тут негде танцевать. Зато это моя собственная комната! Даже если бы оказалось, что под кроватью живут мыши, в углу — пауки, а в шкафу — привидения, эта комната была роскошнее всего, чем я когда-либо владела. Сколько себя помню, я всегда жила в общей спальне в приюте и теперь не знала, смогу ли вообще заснуть, не слыша дыхания других девочек и скрипа двадцати железных кроватей.

В этот момент я позволила волнам восторга подхватить меня — подбежала к окну, выглянула наружу. Изнутри стекло запотело, а снаружи запылилось, поэтому я распахнула окно. Невзирая на скудную пищу в приюте, в моих руках еще оставались силы, и я с удовольствием потянула покосившиеся, едва поддававшиеся рамы. Передо мной открылось изумительное зрелище. Снаружи простирался сад. Я видела деревья, клумбы и какие-то заросли, похожие на живую изгородь, — я всей душой надеялась, что это лабиринт. Безусловно, это могла оказаться просто высокая изгородь, но все ведь знают, что к каждой усадьбе должен примыкать лабиринт, в центре которого скрыта какая-то мрачная тайна. Например, могила тайного возлюбленного хозяйки дома. Этого возлюбленного убил местный лорд, узнав, что его жена ждет ребенка от другого. Ночью он закопал тело в центре лабиринта, и до сих пор там бродит неприкаянная душа этого несчастного...

Я не так часто ходила в библиотеку, как мне хотелось бы, поэтому приходилось довольствоваться рассказами, которые печатали по частям в старых газетах. Конечно, иногда случалось, что я пропускала отрывки этих рассказов, не успев спасти газету от растопки в камине, но у меня хватало воображения, чтобы додумать недостающие кусочки. За эти годы я стала, можно сказать, экспертом по всем мыслимым семейным тайнам — может быть, потому, что не могла разгадать свою собственную. Я предпочитала рыться в чужом грязном белье, чем пытаться узнать ужасную правду о своем прошлом, — причину, по которой мать просто оставила меня на пороге приюта.

Но теперь все могло измениться. Холлихок стал моим новым домом, и я сразу полюбила это место: каким бы заросшим и неухоженным ни был сад, именно изъяны делали его прекрасным. Всю жизнь меня пытались заключить в какие-то рамки — и тут я почувствовала веяние свободы, о которой так мечтала. Что до моей мечты о карьере цирковой эквилибристки, то, если все продумать и выставить за окно лестницу, можно выбраться на крышу пристройки с острым торцом, на котором можно тренироваться. А в плохую погоду можно поупражняться на балюстраде лестницы внутри дома, особенно на галерее над холлом. Балконы в приюте не шли с ней ни в какое сравнение.

Я перегнулась через подоконник и жадно вдохнула непривычный, необычайно свежий воздух. Горничная за моей спиной тихонько кашлянула — впервые за все это время она подала мне хоть какой-то знак. Немного, но хоть что-то. Салли отвела меня в эту комнату, не проронив ни слова, и очень старалась не встречаться со мной взглядом. Я ее понимала. В таком имении вопрос статуса играл, наверное, еще большую роль, чем в сиротском приюте, а раз даже я не знала, чем мне предстоит заниматься в Холлихоке, то откуда это могла знать

Салли? Если в итоге выяснится, что меня взяли в имение посудомойкой, а Салли уже обратилась бы ко мне «мисс», она навлекла бы на себя насмешки всех слуг. И напротив, если сейчас она поведет себя со мной высокомерно или просто по-дружески, а потом окажется, что меня привезли сюда для удочерения, то ей придется паковать вещички и с позором возвращаться к матушке.

Поэтому я не обиделась, что она не смотрит на меня. На случай, если девушка отважится хотя бы покоситься в мою сторону, я приветливо улыбнулась. Я не была знакома с Салли, но научилась уживаться с шестьюдесятью сиротами, и в приюте надо мной никогда не подшучивали. А если мне понадобится помощь — никогда не следует отметать такой вариант, — то лучше начать с того, что наладить отношения со слугами в этом доме.

Итак, я поспешно повернулась к Салли:

— Прости, я не хотела тебя задерживать.

Слова уже вертелись у меня на кончике языка — как я уехала из сиротского приюта и что у меня никогда не было своей комнаты, — однако я сдержалась. Одно дело улыбаться, но если я хочу, чтобы меня воспринимали всерьез, нельзя вести себя как дурочка, которая и дом-то никогда толком не видела.

Салли кивнула — это позволило ей опять опустить голову и смотреть в пол, а не мне в глаза. Мне показалось, что она старше меня на два-три года. Именно такой судьбы я и хотела избежать, но это была ее жизнь, и, может быть, Салли все устраивает. Я понятия не имела, хорошо ли Молинье обращаются со слугами. По крайней мере я не заметила у Салли на руках никаких отметин от розог.

— Платья в шкафу. Господин и госпожа хотят, чтобы... вы надели одно из них и спустились в гостиную.

Я увидела, как она прикусила губу. Как обращаться ко мне? Вот о чем она думала, и это было непростое решение. А я едва ли могла сказать ей, что мне все равно, обращается она ко мне на «ты» или на «вы».

— Вам понадобится моя помощь?

Я удивленно прищурилась:

— Помощь?

Неужели она хотела помочь мне одеться? Я быстро покачала головой:

— Нет, спасибо, я сама справлюсь.

Я не стеснялась переодеваться при других девочках, но мысль о том, что мне понадобится помощь с платьем, казалась какой-то унижительной. Слишком поздно мне пришло в голову, что вначале стоило бы проверить, о каких платьях вообще идет речь. Кроме того, так я могла бы лучше познакомиться с Салли. Но она уже метнулась к двери — горничная явно была рада сбежать от меня как можно скорее. Итак, я осталась одна. В моей комнате. С моими новыми платьями.

Я уже начала раздеваться, когда заметила, что не могу запереть дверь. Тут не было ни засова, ни ключа в замке — ни с той, ни с другой стороны замочной скважины. Я не трусиха и не собиралась запираюсь в комнате при первой же возможности, но что, если мистер Молинье войдет, когда я стою тут в нижней юбке? Или, что еще хуже, пытаюсь справиться с корсетом? Не очень приятная ситуация. К тому же, поскольку у меня не было ключа от двери, которую в принципе можно запереть, это означало, что кто-то сможет закрыть меня здесь. Безусловно, я к такому привыкла: в приюте общие спальни запирали на ночь, когда все девочки укладывались по кроватям. Но там я хотя бы не оказывалась в заточении одна, и мы

всегда знали, что на следующее утро нас оттуда выпустят.

Тут же при мысли о запертой двери мне становилось не по себе. Даже ржавый маленький ключик сейчас мог бы вернуть мне уверенность... Я выглянула в коридор, но единственная дверь, в которой торчал ключ, вела в кладовку с бельем. Все остальные двери выглядели в точности как моя. Меня это немного успокоило. Нужно было читать поменьше романов ужасов, это из-за них я стала такой пугливой.

Пожалуй, стоит поскорее переодеться и пойти к другим жильцам усадьбы, это меня отвлечет. А если кто-то будет подниматься по лестнице или пройдет по коридору, я его услышу. Моя комната находилась в самом конце коридора, и у меня будет время что-то предпринять.

Сердце гулко стучало у меня в груди, когда я открыла шкаф — и увидела мое белое платье. Слева и справа висело еще два точно таких же.

На первый взгляд они выглядели совершенно одинаково, и я помедлила, не зная, какое надеть. Чтобы рассмотреть их внимательнее, я вытащила платье из шкафа и положила на кровать, но никаких различий так и не заметила. И размер тоже был одинаковым. Я надеялась, что они мне подойдут. Откуда госпожа или тот, кто покупал эти платья, мог узнать мой размер? Разве что мистер Молинье искал в приюте девочку определенного роста и веса. Я вернула два платья на место, сняла свой старый наряд и остановилась в нерешительности. Я подозревала, что мне больше никогда не разрешат его надеть, так куда же его положить? В конце концов я решила повесить его в изножье кровати. Может быть, его отправят по почте обратно в приют. А вот белье я менять не стала. Белую нательную рубашку под платьем никто не заметит, а штаны доходили мне до колен, поэтому, может, кто-то и разглядит кружева внизу, но... кому есть дело до моих штанов? Черные чулки я тоже снимать не стала. Раз уж платье у меня белое, пускай хотя бы чулки будут черными. Должно произойти что-то невероятное, чтобы я решилась выйти на люди в полностью белом наряде. Затем я надела новое платье. Что ж, могло быть и хуже. После платья леди — с рюшами, как у принцессы, — я ожидала увидеть тут корсет. Понятия не имею, как бы я справилась с ним сама. Но новое платье, хотя оно и было старомодным и довольно вычурным, шили на девочку, а не на взрослую женщину, поэтому мне хотя бы не пришлось сражаться с завязками. Застежки были на спине, но поскольку я собиралась когда-нибудь выступать в цирке, особых проблем они у меня не вызвали. Нужно немножко изогнуться — и дело сделано.

Я расплела косы и почувствовала, как расслабилась кожа на голове. Кончиками пальцев я взбила пряди — в комнате не нашлось ни расчески, ни щетки для волос, и потому я оставила все как есть, представляя себе, как мои пышные локоны ниспадают на спину. Мне очень хотелось, чтобы волосы у меня были каштановыми или хотя бы рыжими. Белокурые тоже меня бы устроили. Но они были русыми, того мышиного пыльного цвета, знаете? Да и завитки очень быстро распрямятся. Но, во всяком случае, теперь я уже не выглядела как девочка из приюта.

И вот я стояла там в белом платье и пыталась разглядеть свое отражение в тусклом зеркале над раковинкой. Ужасно, просто ужасно. Я сама себя не узнавала. Как же белое платье может изменить человека! И даже черные чулки не спасали. А руки, руки куда деть? Передника-то у меня не было. Только что я была так счастлива, так уверена в себе. Теперь же казалась себе жалкой. Я выглядела как яблоневый цвет — все было белым, кроме волос, сейчас выглядевших почти черными. Наверное, из-за освещения и непривычной прически. А

кожа такая бледная, потому что я мало бываю на свежем воздухе. Размытый образ в старом зеркале мог с тем же успехом принадлежать Белой Даме.^[4] Отшатнувшись, я поторопилась убраться оттуда. Ноги у меня дрожали.

Идти по дому вслед за Салли было легко, а вот разобраться самой, что здесь к чему, оказалось куда сложнее. Если вначале Холлихок помнился мне отличным местом, то теперь мне виделось что-то жутковатое в этой усадьбе. Тут витали какие-то незнакомые запахи, половицы зловеще поскрипывали у меня под ногами, повсюду царил полумрак. Все двери были закрыты, поэтому оттуда в коридор не проникал свет, а я не решалась посмотреть, есть ли тут электрическое освещение или в доме используют газовые лампы, а то и свечи. Я прокралась в сумерках третьего этажа до узкой лестницы, а затем, еще тише, спустилась на второй этаж. В какой-то момент я обрадовалась, добравшись до лестничного пролета над холлом, но потом поняла, что галерея просматривается со всех сторон и меня легко будет застать врасплох.

В холле никого не было. Я надеялась, что Молинье подождут меня или хотя бы оставят дворецкого, Салли или еще кого-то из слуг, чтобы меня кто-нибудь встретил. Однако там было пусто. Поскольку я шла на цыпочках, никто не услышал моего приближения. Но, по крайней мере, тут не было темно: через окна слева и справа от двери лился розоватый свет. В его лучах я увидела, что ковер на лестнице поистрепался, из него торчали нитки. Каменные плиты, которыми был вымощен пол, были отмыты дочиста, но на них виднелись трещины — это оставило свой след время. Я не знала историю Холлихока, но не сомневалась, что она окажется долгой и захватывающей.

Ну да ладно. Раз тут никого нет, можно и поосмотреться. Из холла вели пять дверей и шестая наружу: по две небольшие двери в левой и правой стене и огромная двустворчатая дверь напротив входной — наверное, в салон или бальный зал. Все двери были закрыты, но можно было хотя бы попытаться подслушать. В конце концов, мне нужно выяснить, где же миледи, раз она желает меня видеть. В холле царила тишина. Даже звук моего дыхания, казалось, исчезал, так и не достигнув слуха. Я чувствовала, как стучит в груди сердце, но самого стука тоже не слышала, хотя должна была бы. Я бесшумно скользнула к первой двери слева от входа, намереваясь прижаться ухом к темной деревянной раме. Но тут сзади послышались шаги — не на лестнице, а в самом холле. При этом я могла бы поклясться, что ни одна дверь не шелохнулась.

Я оглянулась, радуясь, что меня не застучали за подслушиванием. Я ожидала увидеть дворецкого, но передо мной стоял мистер Молинье. И пристально смотрел на меня. Только сейчас я поняла, что не могу определить цвет его радужки, поскольку мне почему-то не удавалось посмотреть ему прямо в глаза. Но в этот момент меня беспокоил другой вопрос: откуда он тут взялся? После истории с куклой я подозревала, что мистер Молинье был искусным фокусником. Теперь моя теория получила еще одно подтверждение.

— Как я вижу, ты переделалась. Много же это заняло времени. Моя сестра тебя ждет.

Я кивнула.

— Я не знала, где могу ее найти, — извиняющимся тоном произнесла я и удивилась, как странно прозвучал мой голос. Он был чужим, как чужим казалось и мое отражение в зеркале.

— Я тебя к ней отведу, — почти приветливо сказал он.

Его волосы блестели на свету, но от этого казались еще темнее. Теперь, когда я могла разглядеть его лучше, чем в слабом освещении сиротского приюта или полумраке экипажа, я поняла, что еще никогда не видела таких бледных людей. Даже я на его фоне казалась розовощекой, и если бы он действительно оказался директором похоронного бюро, то ему приходилось бы постоянно двигаться, чтобы подчиненные его случайно не похоронили. Но я пока не знала, боюсь его или восхищаюсь им. Может быть, и то и другое. Мрачным незнакомцам, с моей точки зрения, самое место в рассказах ужасов или любовных романах, но натуру настолько угрюмую и чуждую простым людям не измыслил бы ни один автор.

Мистер Молинье пересек холл и направился к двери справа от входа. Я последовала за ним. За дверью обнаружился коридор, из которого вели еще две двери. В итоге я очутилась в очаровательной комнате со светло-фиолетовыми шелковыми обоями и потолком с золоченой лепниной. Из четырех высоких окон в комнату струился свет, и леди нежилась в его лучах на диванчике. Перед ней стоял накрытый столик, окруженный тремя небольшими креслами. Видимо, она ждала меня, поскольку ни к одному из блюд на столе не притронулась, даже к медовым булочкам.

— Я привел девочку, — сказал мистер Молинье.

Мне вовремя пришло в голову, что стоит сделать книксен.

— Присаживайся. — Леди указала на кресло слева. — Пожалуйста, садись.

Ее голос сочился сладостью, как золотистый мед на булочке, и теперь, при ярком свете, я увидела, как эта женщина прекрасна. Пепельно-светлые волосы были уложены пышными косами вокруг головы — наша директриса носила похожую прическу, но если мисс Монтфорд она придавала строгость, то у миледи смотрелась просто обворожительно. Нельзя было сказать, что леди похожа на брата, но оба были чрезвычайно бледными, без кровинки в

лице, и даже губы у них казались скорее лилово-серыми, чем розовыми. Ей я тоже не смогла заглянуть в глаза — и смущенно потупилась.

Увидев, что мистер Молинье не собирается занимать предложенное кресло, я села за столик и жадно взглянула на крошечные круглые булочки, чувствуя, как потекли слюнки. Я ничего не ела со вчерашнего полудня и могла бы поклясться, что на каждой булочке написано «Съешь меня».

Собственно, чтобы разлить чай по чашкам, нужна была горничная, но, к моему изумлению, леди лично взяла чайник и налила нам чаю. Может быть, она боялась, что служанка разобьет драгоценный фарфор? Запустение, оставившее свой след на всем в этом доме, не коснулось этой комнаты, и я подозревала, что это любимое место леди в Холлихоке и она лично позаботилась о том, чтобы тут в первую очередь все обставили как полагается.

— Пей. И ешь. Прошло много времени с тех пор, как у тебя была возможность утолить голод и жажду. Ты не должна думать, что здесь тебе придется страдать.

Тем не менее я дождалась, пока она ободряюще кивнет, и только тогда принялась за еду. Но стоило мне откусить булочку... Я еще никогда в жизни не пробовала ничего подобного! Булочка была сладкой, как я и ожидала, но в этот момент по всему моему телу разлилось золотое тепло, и я растаяла, как снег на солнце. Чай тоже был необычным, я такого еще не видела: почти бесцветный, без сахара и молока, но его вкус... точно цветочный нектар. Даже если они прямо сейчас выгонят меня из дома и мне придется возвращаться в приют Св. Маргариты пешком, этот кусочек медовой булочки и глоток чая стоили того, чтобы приезжать сюда.

— Спасибо, — пробормотала я, прожевав. Скрепя сердце я сдержалась и не стала сразу набрасываться на следующую булочку. Надо сказать, это далось мне нелегко. — И спасибо за платье.

Я предпочла бы не носить белый наряд, но господам об этом лучше не знать.

— Это...

Но мистер Молинье меня перебил:

— Ешь. И слушай. Тебе нечего сказать, чего бы мы не знали, а чтобы выразить свою благодарность, вовсе не нужно лебезить, мы такое не оценим. У тебя были вопросы. И сейчас ты получишь ответы.

Я почувствовала, что краснею. Моего румянца сейчас хватило бы на нас троих. Я поспешно спрятала лицо за чашкой, осторожно сжимая кончиками пальцев тонкую ручку, точно ожидая, что она в любой момент может сломаться. Как мне и приказали, я молчала.

Леди кивнула, и ее брат продолжил:

— Начну с того, что нужно представиться. Едва ли ты раньше что-то слышала о нас или об имении Холлихок. Меня зовут Руфус Молинье, это моя сестра Вайолет. Три месяца назад мы унаследовали имение Холлихок. Оно было в ужасном состоянии, поскольку предыдущая владелица, наша тетка, была уже стара и не могла следить за выполнением всех необходимых работ. Она избегала общества людей и умерла в одиночестве. В имении кроме нее жила всего одна старая служанка. — Он обвел холодным взглядом комнату, но пока он так неодобрительно смотрел на обои, а не на меня, мне не было страшно. — За последние недели мы приложили немало усилий, чтобы привести унаследованное имение в порядок, но для кое-каких работ нам нужна такая девочка, как ты.

Я быстро училась, поэтому держала рот на замке и не стала спрашивать, зачем им именно сирота. После всего, что я тут увидела, им скорее требовался садовник, но в этом

деле я совершенно не разбираюсь, да и едва ли кто-то доверил бы мне столь ответственную работу. Но что еще? Я надеялась получить какие-то объяснения, но не хотела, чтобы меня отчитали за то, что я опять влезла в разговор.

Увидев, что я сдержалась и не задала интересующий меня вопрос, мистер Молинье улыбнулся.

— Ты еще узнаешь, какая работа тебе предстоит. Перед этим нам нужно уладить другой, куда более важный вопрос.

— Тебе нужно будет молчать, — сказала леди. — И это означает не только то, что ты не должна задавать вопросы. Все, что тебе нужно будет узнать, ты узнаешь, а что не нужно... тут тебе и вопросы не помогут. Но мы ждем от тебя обещания: ты сохранишь в тайне то, что мы расскажем. Слуги попытаются выведать у тебя тайны Молинье и Холлихока, но ты должна будешь молчать. Молчи о том, что увидишь и услышишь. Никакой болтовни с горничными, никакого тайного дневника — эти любопытные создания ни перед чем не остановятся. От их взоров нигде не укрыться. А что до писем домой...

— У нее нет дома, — холодно возразил ее брат. — Она сирота.

Я прикусила губу. Это было уже слишком. Я, конечно, не собиралась писать кому-то в приют, да никто от меня этого и не ожидал. Те, кто покидал приют, не возвращались, такова была традиция. Но мистера Молинье это не касалось. И если быть точным, то я вовсе не сирота. Ну, или, скорее всего, не сирота. Я подкидыш. Может быть, где-то у меня есть семья. И эта семья — определенно не брат и сестра Молинье.

— Итак, тебе придется поклясться, — все тем же сладким голосом произнесла леди. — Ты знаешь, что такое клятва? Как в суде, понимаешь?

Я кивнула. Я еще никогда не была в суде, но, несомненно, знала, что такое клятва. Представления не имею, зачем им понадобилась клятва, обещания было бы вполне достаточно, едва ли кто-то мог бы обвинить меня в том, что я когда-то нарушала данное слово. Но я понимала, что для Молинье это важно.

— Клянусь... — начала я, подняв руку.

— Молчи! — рявкнул мистер Молинье. — Ты принесешь клятву тогда, когда мы тебе скажем. И так, как мы скажем. — Это было первое проявление эмоций, которое я заметила в нем. — Мы и так уже выказали тебе доверие, взяв тебя в наш дом. И для тебя же самой было бы лучше, чтобы ты это доверие оправдала.

— Но клятву лучше принести раньше, чем позже, — упрямо возразила я. — Я ведь не знаю, о чем мне нельзя говорить, и если вы вдруг меня выгоните...

Многое должно было случиться, чтобы я начала вот так дерзить джентльмену, но во мне вдруг взыграла гордыня. Я не хотела, чтобы меня шантажировали чувством благодарности — в эту игру мне приходилось играть, сколько я себя помню, пора уже покончить с этим.

В тот момент мне было все равно, что они могут выставить меня за дверь в этом белом платье. Уж как-нибудь выкручусь. Но брат и сестра вдруг рассмеялись — негромко, но все же. Они смеются надо мной? Или хотят показать мне, что и они живые люди?

— Ну, часть клятвы ты уже принесла, — отсмеявшись, сказала леди. — Твое слово связывает тебя уже сейчас. И поверь, мы приложили много усилий, чтобы найти именно тебя. Ты больше не покинешь этот дом, не бойся. — Это прозвучало почти как угроза.

Я устала на свою чашку чая. Внезапно меня охватило чувство покорности, хотя я и не понимала, откуда оно взялось.

— Да, леди Вайолет.

Она опять рассмеялась.

— «Леди Вайолет», — повторила она. — Я рада, что ты выказываешь такое почтение, но это не мой титул. Молинье — не аристократы.

— Прошу прощения.

Я так и знала! Фамилия у них была французская, а все знают, что во Франции аристократов не осталось, всем отрубили головы. И хотя свои имена они произносили на английский манер, меня так просто не обманешь!

— Как же мне к вам обращаться?

— Никак. — Миледи улыбнулась. — Когда нам понадобится, мы сами заговорим с тобой. Этого будет достаточно.

Я чувствовала себя глупо. Может быть, они проверяли меня, прежде чем открыть свою страшную тайну, и похоже, что я все время проваливала эту проверку. Но что же мне оставалось делать, если они не говорили, чего от меня ждут? Кроме того, что я должна молчать, конечно. Раз уж они не хотят сказать, как к ним обращаться, буду называть их по имени. Во всяком случае, про себя. Руфус и Вайолет. Сами напросились!

А потом они назвали меня Флоранс. Я не стала возражать. Пусть называют меня как хотят, все лучше, чем просто «девочка». К тому же было в этом имени что-то благородное. У господ всегда было право называть слуг так, как им вздумается: никто же не мог ожидать, что они станут запоминать имя каждой новой горничной. Я задумалась, была ли я первой Флоранс в их доме, и если нет, то что случилось с предыдущими? Имя мне нравилось — хотя теперь меня уж точно звали как героиню романа ужасов.

— А теперь вставай, — сказал Руфус.

Для меня он уже был просто Руфус, а никакой не мистер Молинье, и уж точно не джентльмен. Сам виноват.

— Встань, чтобы мы могли тебя осмотреть. Со всех сторон. Повернись. Медленно.

Я подозревала, что они хотят проверить, подходит ли мне платье, и выполнила его указание. Флоранс: вид спереди, сбоку и сзади. Они ничего не сказали о моих черных чулках, хотя подол платья был слишком коротким и едва прикрывал колени, как у маленькой девочки. Я потянула его вниз, чтобы он казался длиннее, но потом спохватилась и перестала это делать. Чего смущаться, если я хочу стать эквилибристкой и любой сможет заглянуть мне под юбку, запрокинув голову. Итак, я просто поправила подол, чтобы он торчал, точно на мне четыре нижние юбки.

— Хорошо, — кивнул Руфус. — Руки у тебя чистые?

Я покачала головой. Надо было спрашивать, прежде чем я перемазалась медом. А что делать — нельзя же есть булочки, орудуя ножом и вилкой!

— Тогда иди и вымой руки. Горячую воду возьмешь в кухне, сейчас придет горничная и покажет тебе дорогу. Руки у тебя должны всегда оставаться чистыми, следи за этим. На тебе белое платье именно для того, чтобы ты вынуждена была избегать пыли и грязи. Если ты нарушишь запрет, мы это сразу увидим. А теперь иди и вымой руки. Когда ты вернешься — получишь вот это.

На этот раз я была готова к его фокусам — ключ, который вдруг появился в его руке, вполне мог оставаться до этого времени в рукаве. Ключ был маленьким и черным, но при виде его сердце гулко забилося у меня в груди. Я не знала, от какого он замка. Но точно знала, что должна его заполучить.

В дверном проеме появилась горничная — а ведь я не видела, чтобы Руфус или Вайолет

звонили. Впрочем, леди — или не леди, раз уж она так настаивает — все это время держала руку на подлокотнике дивана, и, вероятно, где-то там была кнопка вызова прислуги. Очень удобно. Конечно, это значит, что в усадьбе все-таки есть электричество. Пока что я не заметила никаких доказательств этому — тут повсюду были только подсвечники, я не видела даже газовых ламп... Ладно, со временем все узнаю.

— Вызывали? — тихо спросила девушка.

Это была не Салли, а одна из двух других горничных, встретивших нас в холле.

— Клара, отведи Флоранс к миссис Арден, — сказал Руфус, не поворачиваясь. — Пусть вымоет руки. Флоранс, а не миссис Арден.

— Как скажете, сэр.

Похоже, обращение «сэр» их устраивало — на тот случай, если мне придется что-то сказать.

— Вам еще что-то угодно, миледи? Чаю? Печенья? Или мне убирать со стола?

— Нам угодно, чтобы ты забрала Флоранс и ушла отсюда, — отрезал Руфус.

Я поспешно направилась к двери, чтобы не навлечь на Клару неприятности. Она была такой же молчаливой, как и Салли, и точно так же не смотрела мне в глаза. Меня это больше не удивляло. Я бы тоже не знала, как вести себя с девочкой в кружевном белом платье, которой сказали вымыть руки в кухне. Понятно, что меня не пустили бы в ванную миледи, но неужели это означает, что мне постоянно придется ходить в кухню, когда потребуются горячая вода? Даже в приюте нам позволяли раз в полгода принять горячую ванну — по крайней мере она была горячей для тех, кто принимал ее первым. Ладно, у меня в комнате были миска и кувшин для умывания, а под кроватью стоял ночной горшок — этого хватит, прежде чем я узнаю, есть ли в Холлихоке уборные. Не стоило сейчас мучить эту бедняжку вопросами.

Клара показалась мне моложе Салли и еще застенчивее, но после того, что Руфус и Вайолет рассказали о своей тете, я поняла, что все слуги в доме были новыми. Интересно, что случилось со старушкой служанкой? Похоже, она уже не здесь. Или умерла.

— Миссис Арден — кухарка? — спросила я, следуя за Кларой по лестнице в подвал.

Девушка покачала головой:

— Миссис Дойл — кухарка, а миссис Арден — экономка.

Я поблагодарила ее за ответ. Чем быстрее я запомню все эти имена, тем лучше. Хоть я и поклялась никому не выдавать тайны (которые сама, между прочим, так и не узнала), все равно не стоит обращаться к кому-то из слуг «Эй, ты!». Даже Руфус, похоже, знал имена горничных, а судя по тому, что я читала, это вовсе не было чем-то само собой разумеющимся. Люди в кухне вздрогнули, увидев мое белое платье в дверном проеме. В этом мире господам нечего было делать в кухне, их интересы тут представляли дворецкий и экономка. Здесь мне не было места — как и в гостиной Вайолет. Я не видела миссис Арден, хотя и полагала, что именно ее встретила после приезда в холле. Толстуха, у которой на лице было написано «кухарка», неприязненно уставилась на меня.

— Тебе что тут нужно?

— Меня зовут Флоранс. — Было странно произносить это имя в первый раз, но я говорила спокойно. — Мне сказали пойти сюда и вымыть руки.

Я уже видела, где именно это можно сделать. Какая-то бедняжка склонилась над чаном и отдраивала кастрюли. Пока что я видела только ее худенькую спину. Я подошла поближе — и утонула в голубых глазах, окруженных россыпями веснушек. Ее взгляд был самым

приветливым из всех, что я видела в Холлихоке, и я невольно улыбнулась в ответ.

— Ну, тогда поторапливайся, — проворчала кухарка. — Сама видишь, где бадья.

Она неотступно следила за мной, будто я была вражеским разведчиком, которому ни в коем случае нельзя доверять. Мне показалось, что от нее пахло дешевым джином, но может, это впечатление у меня возникло из-за ее раскрасневшихся щек. Волос у нее на подбородке и под носом было куда больше, чем приличествовало женщине, если она не выступает в цирке, конечно. Но я больше не обращала на толстуху внимания. Осторожно, чтобы не испачкать платье, я склонилась над бадьей. Девушка опустила туда очередную сковородку. Руки у нее были красными. Вот, значит, от какой судьбы меня спасли Молинье. Хотя бы поэтому я сразу почувствовала какую-то связь с этой несчастной посудомойкой — она понравилась мне куда больше Клары, которая поспешила скрыться из кухни, хотя я не знала, от меня она бежит или от кухарки.

— Я могу тебе помочь? — прошептала я.

Раз уж я все равно погрузила руки в мыльную горячую воду, то почему бы не помочь?

Девушка покачала головой.

— Спасибо, не надо. — Она принялась оттирать сковородку еще быстрее. — Ты из Лондона, да?

Я кивнула. Об Уиттоне тут и слыхом не слыхивали, так почему бы не притвориться, что я из самой столицы, а не из пригорода?

— Там, наверное, здорово, да?

В ответ я лишь пожала плечами. Нельзя сказать, что я часто бывала в Лондоне. Мой мир ограничивался сиротским приютом, школой и церковью, да еще иногда мы выходили на прогулку в парк, и я украдкой бегала в библиотеку. Я никогда не видела короля, не видела Вестминстерское аббатство или Тауэр. Тем не менее в каком-то смысле я раньше жила в Лондоне. Ну, почти.

— Ты и лимбийские игры видела?

Я мысленно улыбнулась, но на самом деле мне не хотелось смеяться над этой девочкой.

— Они еще не начались.

А даже если бы начались, то я все равно узнала бы об Олимпийских играх только из газет. К тому же в приюте мне не всегда удавалось раздобыть свежую газету, обычно мне попадались старые, предназначавшиеся на растопку. Поэтому меня сложно было назвать экспертом по последним новостям.

— Жаль, — прошептала девушка. — Флоранс... Какое у тебя красивое имя... — Она совсем понизила голос, и я едва могла разобрать слова. — Это она тебя так назвала?

— Да.

— Меня тоже. Ну, то есть не Флоранс, конечно. Меня теперь зовут Люси. — От возмущения она заговорила чуть громче: — Я ведь всего лишь посудомойка! Какая ей разница, как меня зовут?!

— А как тебя на самом деле зовут? То есть звали?

— А ну-ка прекратите, вы обе! — прошипела кухарка, едва Люси открыла рот. — Не отвлекай мою девчонку от работы! Руки-то небось уже помыла?

Я поспешно выпрямилась и выставила влажные руки перед собой, будто защищаясь. Они были не такими красными, как у Люси, но что-то подобное случилось бы и со мной, постой я так подольше.

— В следующий раз скажешь, — шепнула я девушке. — Я наверняка сюда еще

спущусь. — И я, широко улыбаясь, повернулась к кухарке. — Можно полотенце?

Не могла же я сказать ей, что нигде в Холлихоке не чувствовала себя так уютно, как тут. Низкий потолок почернел от копоти, над кастрюлями на плите и над бадьей с водой поднимался пар, тут не пахло пылью или цветами, но было в дыму от сковородок и в шипении масла что-то родное, и даже ворчание кухарки казалось привычным. Кроме кухарки и посудомойки, на кухне сидела еще одна служанка. Она сосредоточенно нарезала сельдерей, всем своим видом показывая кухарке, какая она трудолюбивая, — в отличие от этой лентяйки посудомойки.

— Мне больше нельзя произносить это имя, — шепнула мне Люси на прощание. — Они не хотят слышать его в своем доме.

И с этой загадкой, за которой могла скрываться настоящая тайна, я ушла из кухни и вернулась в салон. Руки у меня были чистыми, и я готова была на все, только бы заполучить маленький черный ключ.

На мгновение я словно опять очутилась в сиротском приюте — в день удочерения. В точности как там, я стояла по струночке, поправив платье и вытянув вперед чистые руки. Правда, волосы у меня не были заплетены в косы. И какие бы хорошие оценки я ни получала в школе, это никого не интересовало. Хотя сейчас женщинам уже разрешалось учиться в университете, не такое будущее ожидало девочек-сирот, и ни на фабрике, ни в кухне в каком-нибудь доме богачей, ни в цирке никто не спросит меня, помню ли я алгебру и когда произошла битва на реке Бойн. А вот чистые ли у меня руки — это интересовало всех, даже в Холлихоке. Я вытянула руки, будто передо мной стояло невидимое пианино, и закрыла глаза, чтобы ни на кого не смотреть и случайно не рассмеяться от абсурдности момента.

— Очень хорошо, — сказал Руфус. — В будущем ты должна будешь следить, чтобы руки у тебя всегда были чистыми, особенно когда ты работаешь. Мы не требуем от тебя многого, работа не займет у тебя больше часа в день, а в остальное время можешь делать, что хочешь. Можешь гулять в саду или сидеть в библиотеке сколько вздумается, но в этот час работы тебе придется приложить все усилия и задействовать все свои знания. Такого предложения ты не получишь нигде, не забывай об этом. Холлихок — лучшее, что с тобой могло случиться в жизни. Мы хотим, чтобы ты полностью это осознавала.

Я кивнула, думая, в чем же здесь подвох. Может, в этот час они собираются меня пытаться? Или мне придется доставлять кому-то любовные утехы? Или позировать для миледи, которой хотелось меня нарисовать? Я была готова ко всему. Если это всего лишь один час, то можно и потерпеть. Мне приходилось выполнять всякие неприятные задания в жизни: однажды по распоряжению учителя я вынуждена была три часа стоять в корзине для бумаг, удерживая равновесие, поскольку украдкой рисовала на уроке под партой; ждать за дверью приюта под проливным дождем, пока остальные воспитанницы ужинали; стоять на коленях на горохе... Я могла сидеть тихо и молчать, но если кто-то считает, будто сироты из приюта учатся чему-то, только когда их наказывают, он ошибается. Всему самому главному учишься, когда проходишь проверку на храбрость. Эх, если бы от меня потребовали стоять на руках, уж тогда бы я им показала...

Руфусу не нужно было знать, какие мысли витают у меня в голове. Главное, чтобы руки были чистыми. Главное, чтобы он дал мне ключ. Моргнув, я подняла голову.

— Пойдем, — сказала Вайолет. — И о том, что сейчас увидишь, ты никому не должна рассказывать.

Я кивнула, решив не напоминать ей о том, что принесла только половину клятвы. Мы вернулись в холл и оттуда пошли по коридору на противоположной стороне дома. Комната, у которой мы остановились, на плане здания была бы зеркальным отражением гостиной Вайолет. И вдруг меня охватило какое-то неприятное чувство: в животе засосало, во рту появился странный привкус. Мне пришлось взять себя в руки, чтобы не признаться самой себе: это ощущение можно было назвать «страх». Кто сказал, что в этой комнате сокрыта какая-то тайна? С тем же успехом тут могло прятаться ужасное чудовище, монстр, столетиями запертый в Холлихоке. И это чудовище нужно было кормить девственницами. Я, конечно, ни на что не намекала в отношении Вайолет, Салли, Клары, Люси или кухарки, но...

Руфус вставил ключ в дверной замок.

— Отойдите, — сказал он.

В этот момент мне отчаянно захотелось убежать оттуда.

— Нет, погоди. Давай ты откроешь дверь, Флоранс. Мы хотим посмотреть, справишься ли ты.

Он отошел в сторону и указал на ключ. Я чувствовала себя так, будто оказалась в доме Синей Бороды. Никто из слуг не должен был знать, что скрывается за этой дверью, и, если я кому-то что-то скажу, меня накажут. А когда я все увижу, то пути назад уже не будет, я стану соучастницей мрачных преступлений Молинье и должна буду унести эту тайну с собой в могилу...

Я провернула ключ в замке. Чем быстрее я покончу с этим, тем лучше. В конце концов, я ведь обожала всякие тайны и должна бы радоваться тому, что кто-то решил открыть мне такой важный секрет. Ключ заклинило, и мне пришлось приложить все силы, чтобы дверь все-таки открылась. От этого мне стало еще интереснее. Кто знает, когда эту дверь открывали в последний раз? Может быть, ни Руфус, ни Вайолет сами еще не заходили в эту комнату... и чудовище уже порядком проголодалось...

Дверь распахнулась, мое сердце замерло — и меня охватило разочарование. Передо мной была просто какая-то комната. Никакое чудовище на меня не набросилось, никакое привидение не попыталось вселиться в мое тело, и пахло тут не гнилью, смертью и разложением, а пылью, пылью и еще раз пылью. Впрочем, пока что я мало что могла разглядеть. Дом был построен симметрично, и тут были такие же окна, как в гостиной Вайолет, от пола до потолка, но их закрывали тяжелые шторы, сквозь которые едва пробивались солнечные лучи. Свет проникал и из коридора, и на плотном ковре на полу протянулась моя тень. Я увидела какие-то смутные очертания посреди комнаты и у стен, бесформенные, непонятные. Будто заледеневшие призраки. Это была мебель, накрытая белыми простынями, а те в свою очередь — если судить по запаху — устилал толстый слой пыли.

— Чего же ты ждешь? — проворчал Руфус. — Заходи!

Я повиновалась. Комната не сожрала меня, пока я стояла в дверном проходе, а значит, едва ли что-то случится, когда я буду внутри. Стоило мне ступить за порог, как Руфус и Вайолет последовали за мной. Дверь закрылась, и я услышала, как поворачивается ключ в замке. Кто-то очень торопился, чтобы никто из слуг не увидел эту комнату!

— Раздвинь занавеси! — приказал Руфус.

Мне хотелось спросить, начался ли уже мой час работы на сегодняшний день, но я промолчала. На самом деле мне тоже было интересно, что же за тайну скрывает эта комната, поэтому я придержала язык, взялась за ближайшую штору и потянула ее вбок. По сравнению с ней дверь открывалась как по маслу: штора за что-то зацепилась наверху и упорно отказывалась сдвинуться с места. Мне понадобились обе руки, чтобы хоть немного ее приподнять. Вообще, мне нужна будет чья-то помощь, чтобы перетянуть штору шнуром, но я знала, что спрашивать об этом нельзя. Брат и сестра молча наблюдали за тем, как я пытаюсь впустить свет в комнату. Понимают ли они, что я делаю? Когда я уберу шторы, снаружи можно будет...

Я замерла на месте. Это ловушка! Я поспешно опустила штору на место, поправила соседнюю и повернулась к Молинье.

— Я, пожалуй, лучше свечи зажгу.

Как раз вовремя!

— Ну, ты хотя бы умеешь думать. — Руфус подошел к двери, и через мгновение слева и справа вспыхнули свечи в серебряных настенных подсвечниках. Вначале я подумала, что это его очередной фокус, но тут он бросил мне коробок спичек, и я, не раздумывая, поймала его на лету. — Можешь зажечь остальные свечи в комнате. А к шторам больше не прикасайся.

Нельзя сказать, что при свете я разглядела что-то еще. Всю мебель закрывали простыни, и, судя по очертаниям, здесь стояло несколько комодов, кресло и большой диван в центре комнаты. Наверное, мебель тут была точно такой же, как в гостиной Вайолет, только ее не было видно.

— Мне снять простыни? — спросила я.

— Да. Только будь осторожна, — ответил Руфус.

Я начала с первого комода: взялась за уголок простыни одной рукой, за противоположный уголок — второй и осторожно сложила ткань, чтобы не рассыпать по комнате пыль. На комодe что-то было, и вначале я подумала, что это часы, но когда сняла простыню, то увидела кукол. Задний ряд их стоял, передний сидел — с широко раздвинутыми ногами, как сидят малыши, еще не научившиеся ходить. Я смотрела на мертвые, бледные лица из фарфора. Стекланные глаза поблескивали в лучах свеч, но от этого казались не живыми, а просто жуткими.

Я невольно отшатнулась. Тут были куклы с темными курчавыми волосами, с белокуроыми косами и каштановыми кудрями. Куклы в матросской одежде, в жилетах, в клетчатых ситцевых платяицах, одна даже в азиатском кимоно. Они безмятежно улыбались, и у некоторых губы были в форме сердечка, у других — широкая улыбка, обнажавшая крошечные зубы. Голубые, карие, черные глаза. Кукла за куклой. Но они не замечали друг

друга, они смотрели только на меня, протягивали ко мне руки... Я насчитала тринадцать кукол на комод. В жизни еще не видела ничего настолько жуткого!

Я повернулась к Руфусу и Вайолет — хотя бы для того, чтобы не смотреть в эти мертвые стеклянные глаза, но я все равно чувствовала их взгляды.

— Куда... куда мне убрать простыню? — спросила я, сглотнув ком в горле. — Остальную мебель тоже открывать?

Страх сменился чувством, будто меня предали. Почему Руфус взял из приюта именно меня, единственную девочку, которая не любит кукол? Он это намеренно сделал, верно?

— Можешь потом отнести покрывала в прачечную, — ответила Вайолет, не глядя на меня.

Она осматривала кукол, одну за другой, в точности как Руфус вчера разглядывал девочек в приюте.

— Да, эти простыни тут больше не понадобятся, — добавила она.

— Но вначале, — вмешался Руфус, — мы объясним, в чем же будет состоять твоя задача. Перед тобой коллекция нашей тетушки — или, по крайней мере, небольшая часть этой коллекции. Мисс Лаванда, так ее звали, половину жизни собирала куклы, и ее коллекции нет равных. Даже знаменитая коллекция кукол королевы Виктории не сравнится с этой. Возможно, тебе известно, что в королевской коллекции хранятся и немецкие деревянные куклы, в то время как все куклы мисс Лаванды — из фарфора. Они очень дорогие. И очень хрупкие. — Он принялся расхаживать по комнате, но ни к чему не прикасался, пряча руки за спину. — Тебе нужно будет работать с этими куклами. Как ты, должно быть, уже догадалась, все они находятся в этой комнате, расставлены на мебели и на полках шкафов. Каталога у нас нет, но мы подозреваем, что тут около двухсот кукол, и ни одна не похожа на другую.

— Но я... — пробормотала я. — Я не люблю куклы...

— Я знаю, — невозмутимо ответил Руфус. Его улыбка в отблесках свеч смотрелась не менее жутко, чем сами куклы. — Именно поэтому ты здесь. Мы искали девочку, которой и в голову не придет играть с куклами мисс Лаванды. Это коллекционные экземпляры, а не игрушки. С ними нужно обращаться очень осторожно. Давай-ка возьми одну из них.

Я помедлила. На самом деле мне не хотелось к ним прикасаться. В конце концов я выбрала куклу, сидевшую на комод. Слева, — так мне хотя бы не пришлось притрагиваться к остальным. На ней было темно-синее платье с клетчатым передником, похожее на форму в моем сиротском приюте, но рыжие кудрявые локоны ниспадали на плечи, никаких кос. Длиной она была с мое предплечье и оказалась куда тяжелее, чем я думала. Если ее тело сделано из полого фарфора, то почему она такая тяжелая? Куклы, к которым я привыкла, были только тряпичными. А этих французских кукол — впрочем, я не знала, действительно ли их сделали во Франции, а может, в Германии, а может, где-то еще — я видела только в витринах магазинов, мимо которых, случалось, проходила на прогулке. Иногда на Рождество в газетах печатали изображения подобных кукол. Я взяла куклу одной рукой за шею, как мертвую курицу. Не зная, что с ней делать, я неуверенно протянула ее Руфусу, но тот покачал головой.

— Мне она не нужна. Ты создашь каталог, в котором опишешь каждую куклу. Твоя директриса сказала мне, что все воспитанницы ее приюта ходят в школу, значит, ты умеешь писать. У всех девочек похожий почерк, чистый и разборчивый, поэтому я не беспокоюсь. Главное, не делай ошибок. Тебе нужно будет осмотреть и обмерять каждую куклу, выявить ее отличия и записать их, указав также цвет волос и глаз. Если с костюмом куклы возникнут

какие-то проблемы, ты их решишь. Я слышал, что в приюте вы шили и вышивали, зарабатывая этим себе на пропитание.

Я кивнула. Держать куклу в вытянутой руке было трудно, поэтому я сменила руку, но прижимать ее к себе мне не хотелось — и уж тем более я не стала бы укачивать ее, как младенца. Нечего ей делать рядом с моим сердцем.

— Если вы дадите мне письменные принадлежности, я могу сразу приступить к работе. Чем быстрее я справлюсь с этой задачей, тем лучше!

— Не торопись, — покачал головой Руфус. — Ты должна помнить еще вот о чем. Чтобы не возникло каких-то недоразумений и ты по рассеянности не перепутала кукол, каждый день ты будешь работать только с одной куклой. Если подойти к делу со всем тщанием, ты справишься где-то за час. Я включаю сюда время и на возможную штопку одежды. Описание должно быть предельно точным. Мы хотим иметь возможность по твоему каталогу сразу же опознать каждую из кукол мисс Лаванды.

Теперь, когда я поняла, о чем идет речь, мне показалось странным, что Молинье делали из всего этого такую тайну. Я еще могла представить, зачем держать окна закрытыми. Может быть, куклам был вреден солнечный свет, их наряды казались очень дорогими и нельзя, чтобы они выгорели на солнце. Но почему никому нельзя об этом рассказывать? В конце концов, такой коллекцией можно гордиться. Или Молинье боялись, что их ограбят?

— А еще имена, — проворковала Вайолет. — Ты должна будешь назвать каждую из кукол, это тоже входит в твою задачу.

С этим уж точно не будет проблем. Я прочла достаточно романов, чтобы знать удивительные и очень романтические имена. Живым людям такие не подходят, они прозвучат странно и как-то не по-христиански, но разница между героиней романа и куклой не так уж велика: обе обычно ограничиваются тем, что улыбаются и их можно раздеть, когда вздумается. К тому же так я могла отомстить господам за мое новое имя и за историю с посудомойкой.

— А если заметишь что-то еще, что-то странное или необычное, сразу же сообщи нам. Мы не хотим рисковать, что какая-то кукла пойдет трещинами и сломается. Итак, помни, главное — это тщательность, осторожность и внимательность. И молчание, конечно. Ты поняла?

Я кивнула. Но, честно говоря, ничего я не поняла. Да, ясно, они хотят сделать каталог своей коллекции, вернее, коллекции своей тети. Но зачем для этого ехать в Лондон и забирать меня из приюта? Едва ли сироты славились своим талантом к каталогизации, от нас не ждали, что мы станем хорошими секретарями или архивариусами, или как еще можно назвать мою должность в этом доме. Сироты славятся только тем, что никто по ним не заплачет. Никто их не хватится. Никто не станет их искать. Помня это, мне трудно было кивнуть. Но что я должна была сказать? Я уже знала, что не получу ответы на свои вопросы.

— Мне приступить к работе прямо сейчас?

Я хотела, чтобы этот час с куклами остался позади. Хотела выбраться из этой комнаты поскорее. Мне показалось, что тут холоднее, чем в остальном доме. Может, так и было, в конце концов, этой комнатой не пользовались и камин тут уже давно не топили. Неужели старая мисс Лаванда со служанкой накрыли все тут простынями? Или это случилось уже после ее смерти? Если так, то кто этим занимался? Мне бы хотелось выяснить это, чтобы я знала, кого благодарить. Постепенно каталогизировать кукол, пока остальные скрыты простынями, явно приятнее, чем проделывать это под пристальным взором двухсот пар

стеклянных глаз. В сущности, я даже радовалась, что никогда не любила кукол. Увиденное разрушило бы эту любовь навсегда.

— Не торопись. Мы достаточно долго тебя искали, никакой особой спешки тут не требуется. Путь был дальним, прошлой ночью ты смогла только немного подремать в трясущемся экипаже. Тебе нужно отдохнуть. Осмотри Холлихок, почитай в библиотеке, поспи. Да и мы хотим отдохнуть от этой поездки. И от тебя.

До последней фразы слова Руфуса звучали очень доброжелательно, но теперь это впечатление развеялось. Я все еще не могла понять, нравится мне Руфус или нет. Милым человеком его точно не назовешь. Но его резкость и прямота впечатляли: благодаря своему статусу он мог говорить, что думает, и не унижаться до лести. Власть, вот в чем было дело. Руфуса окружала аура власти, хоть он и не был аристократом и унаследовал это имение только потому, что у его тетушки не было других родственников. Мне не казалось, что при ее жизни они поддерживали отношения или что Руфус и Вайолет вели себя как заботливые племянники. Мисс Лаванда не любила людей. Может, именно поэтому она и собирала кукол. Одного взгляда на эти безжизненные лица хватало, чтобы отказаться от общения еще на целый год.

— Это значит, что я могу идти куда хочу? — От радости я чуть не выронила куклу и поспешно усадила ее обратно на край комода. Пусть еще немного потерпит без меня. Торопиться-то некуда.

— В рамках разумного, — ответила Вайолет. — Мы не хотим, чтобы ты покидала территорию Холлихока, ни сейчас, ни позже. До ближайшей деревни отсюда далеко, и там нет ничего, что тебя заинтересовало бы. Да и жители ее — не из тех людей, с которыми тебе надлежит общаться.

В такой вежливой форме они пытались передать следующую мысль: «Ты наша пленница, и если когда-нибудь и покинешь Холлихок, то только ногами вперед. А если попытаешься сбежать, по какой бы то ни было причине, то мы тебя найдем. Но мы не хотим, чтобы с тобой что-то случилось».

Эти слова прозвучали как угроза, но в приюте мне тоже не разрешалось уходить далеко, а тут пределы допустимого были куда шире. Ей меня не запугать. Если уж мне вздумается сбежать, то я исчезну бесследно, что бы там ни говорила Вайолет. Наверное, это у меня в крови. Мои родители хотели пропасть без следа — и это у них получилось. От них не осталось ничего, кроме младенца на пороге и медальона, который не открывался.

— Хорошо, — кивнула я. — Прежде чем я осмотрю все в этом доме и в саду, я, наверное, состарюсь и поседею.

Я даже не знала, что интересовало меня в первую очередь — библиотека или сад? Погода стояла хорошая, и, пользуясь подвернувшимся случаем, можно было наведаться в лабиринт. Как бы то ни было, главное — убраться из этой комнаты, от всех этих кукол. Если бы мне запретили сюда входить, то все обстояло бы иначе, но поскольку эта комната стала моим рабочим местом и я *должна* была проводить тут время, мне хотелось поскорее уйти. И уже сейчас мне хотелось с кем-то поговорить об этом. Хотелось узнать, что скажет об этой истории Люси. Почему-то мне казалось, что во всем этом доме только она — мой настоящий друг.

— До этого дело не дойдет, — сказал Руфус.

Я невольно сглотнула, не зная, имеет ли он в виду осмотр дома или мою старость.

— Если у тебя еще есть вопросы, задай их сейчас. У нас есть и другие дела, и мы не

можем провести с тобой весь день в этой комнате.

Я была рада, что он сменил тему, хотя и не надеялась получить ответы на интересовавшие меня вопросы. Но один все-таки нужно было задать.

— Кто я?

Они переглянулись, удивленно приподняв брови, будто я тратила их время на какую-то чепуху.

— Ты Флоранс. Кем же еще тебе быть? — сказала Вайолет.

Я покачала головой.

— Я имею в виду, кто я в этом доме? Я знаю, зачем я здесь, но никому из слуг об этом знать не положено, если я правильно поняла. Так что мне сказать, если меня кто-то спросит?

— Слуги ни о чем тебя спрашивать не станут, — отрезал Руфус. — Они знают свое место.

Вот только я свое место не знала.

— Девушки любопытны, — возразила я. — Может, горничные и не станут спрашивать меня прямо, но они могут проследить за мной, и если они увидят, как я захожу в эту комнату, то не будет ли это слишком?

На чьей я стороне? Я чувствовала себя ябедой. Но когда я встречу Люси в следующий раз, мы уж точно поговорим, а мне не хотелось ей лгать. Уж лучше знать заранее, каких ответов от меня ожидают господа, а каких нет.

— Похвально, что ты подумала об этом, — кивнул Руфус. — Но все вопросы о слугах ты можешь обсудить с моей сестрой. У меня действительно нет времени заниматься такими глупостями. И вообще, меня удивляет, что ты задумываешься о подобном. Я полагал, раз ты подкидывш неизвестного происхождения, то привыкла не знать, кто ты.

При этих его словах я побледнела. Не потому, что он знал о том, как я попала в приют. В целом, меня это даже не удивляло, к тому же большую часть так называемых сирот просто подбросили в приюты или, если им повезло меньше, успели спасти от смерти в каком-нибудь колодце. Но от интонации, с которой он заговорил о моем прошлом, у меня мурашки побежали по коже. Руфус был не из тех, кто говорит что-то необдуманно, и если я восприняла эти слова как оскорбление, скорее всего, так и задумывалось. Но я не собиралась обижаться. Я хотела узнать свое место в жизни, узнать, кто я, а сейчас у меня было только ненастоящее имя и ощущение, что я зависла в воздухе, будто ухватившись за трапецию в цирке.

Я чувствовала, как медальон холодит мне кожу. Я носила его много лет, и никто никогда об этом не задумывался. Едва ли вообще кто-то знал, что он у меня есть, и я была этому рада — я не хотела, чтобы кто-то любопытный попытался вскрыть его перочинным ножом. Или попытался убедить меня открыть его поскорее...

Я сдержалась и не потянулась к медальону, только скрестила руки на груди, потеряв дар речи от гнева.

— Ужинать ты будешь со слугами, — сказала Вайолет, будто не услышав последних слов Руфуса. — А завтракать со мной и братом. Завтрак каждое утро в девять часов. Остальное время можешь планировать сама, как тебе удобнее. Главное, чтобы ты выделяла час на работу. — Улыбнувшись, она добавила: — И не ломай голову над тем, что о тебе подумают другие. В этом нет никакой необходимости.

Я кивнула, восприняв ее слова как комплимент. Вайолет хотя бы пыталась казаться милой, а Руфус, напротив, все время грубил.

Но она нравилась мне ничуть не больше, чем он: мне казалось, что и ее слащавость, и его грубость — лишь лицемерие.

— Тогда сейчас я пойду к себе в комнату и немного отдохну, если вы не возражаете. И мы завтра увидимся за завтраком... Где именно он будет проходить?

— Там, где мы пили сегодня чай, — ответила Вайолет. — Это Утренняя комната. А это — Комната кукол, но никому не говори это название. Ты сама найдешь дорогу. — Это был не вопрос, а требование. — И ключ не забудь.

Руфус молча вытащил его из замка и передал мне.

— Можешь идти, — сказала Вайолет.

На этот раз я сразу заметила ловушку.

— Мне нужно запереть дверь, поэтому я подожду, пока вы выйдете.

Руфус смерил меня взглядом.

— Это не единственный ключ. — В его голосе слышался холод. — Естественно.

Я поспешно убралась оттуда. На тот момент я была по горло сыта куклами. И Молинье.

Я собиралась просто прилечь ненадолго — не потому, что устала, а чтобы отвлечься. Я была рада, что у меня есть возможность побыть одной. Раз я буду ужинать со слугами, нужно подготовиться к их любопытным взглядам и расспросам, так что лучше сначала все обдумать. Руфус и Вайолет не собирались отвечать на мои вопросы, поэтому мне все предстояло выяснить самой. Кроме того, я была рада выбраться из этого платья с рюшами. В шкафу я не нашла ночной рубашки, но стоило мне откинуть одеяло — и оказалось, что она лежит на кровати. Словно она уже давно тут лежала и ее носил кто-то другой до меня. Но поскольку я даже не знала, кто я теперь такая, едва ли именно рубашка должна была меня беспокоить.

Я повесила ее в изножье кровати, чтобы она немного проветрилась. Старое платье, которое я там оставила, куда-то исчезло, но меня это не огорчило — скорее, обеспокоило, ведь это означало, что кто-то заходил в мою комнату. Затем я задернула занавески и улеглась на кровать, не ожидая, что действительно засну. Мне хотелось поваляться, проверить, лучше ли она, чем в приюте. Я просто закрыла глаза — а когда открыла их, стояла глухая ночь. Эх, ну разве не могла я проспать до утра? А теперь вокруг царил непроглядная тьма. Я еще никогда в жизни не видела такую темную ночь. И я находилась в доме, который и днем-то казался жутковатым.

Который сейчас час? Я понятия не имела. Стояла ночь, и в любом случае было еще рано отправляться на завтрак. Одиннадцать часов вечера или четыре утра — даже этого я не могла определить. Сквозь тонкие занавески в комнату проникал слабый свет — звезд, не луны, и я почувствовала себя маленькой и потерянной. В городе никогда не было так темно. На улицах светились газовые фонари, а смог и туман не пропускали свет, и потому он окутывал дома, лился в окна. Но здесь, за городом, никаких источников освещения не было.

Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я осторожно встала с кровати и раздвинула занавески: может быть, по небу я смогу определить, близится ли утро. Я увидела звезды — больше, чем за всю свою жизнь. Небо было чернильно-черным, и в нем мерцали тысячи крохотных звездочек. Света от них было мало, они даже тьму небосклона не разгоняли, но они были так прекрасны, что я просто стояла и смотрела. Усталой я себя не чувствовала, ни капельки, и не хотелось ложиться обратно в постель, когда за окном — такая красота.

Одеться в темноте оказалось непросто. Платье было белым, поэтому разглядеть его даже в темноте не составило труда, но вот надеть... Я попробовала действовать на ощупь, сразу же запуталась головой в рукаве и застряла, как будто меня проглотила огромная змея. Вчера я забыла попросить у Салли свечу, но даже если бы в комнате и нашлись свечи, спичек у меня все равно не было. Значит, нужно было как-то обходиться без света.

Я хотела выйти в сад и насладиться ночью. Собственно, я не рассчитывала кого-то встретить по дороге, поэтому можно было бы отправиться в путь в нательной рубашке и нижней юбке, но даже ничтожная вероятность наткнуться в доме на Руфуса заставляла меня полностью привести себя в порядок. В итоге я одолела платье и, пошарив по полу, нашла обувь. И вышла из комнаты в темный коридор.

Я опять кралась, стараясь как можно меньше шуметь. Кончиками пальцев я касалась стены. Тут царил непроглядная тьма. Буквально. Я не видела даже собственных рук, и это не образное выражение. Я никого не хотела будить, а значит, нельзя было обо что-то споткнуться, и уж точно нельзя было свалиться с лестницы. Теперь долгие годы тренировок давали о себе знать. Я двигалась уверенно и, как мне представлялось, грациозно. Воображать собственное изящество и ловкость в этот момент было легко, ведь никто меня не видел, включая меня саму.

Когда я добралась до большой лестницы, ведущей в холл, передвигаться стало легче: внизу виднелись огромные окна, в которые проникал звездный свет, показавшийся мне необычайно ярким. словно балерина, я принялась спускаться по ступенькам — я никогда в жизни не видела балет, но у меня были кое-какие представления о том, как все это должно выглядеть. В итоге я очутилась перед большой двустворчатой дверью. Она была черной, и свет, казалось, огибал ее поверхность, поэтому я принялась ощупывать ее вслепую. Я искала засов, чтобы выйти в сад. Но засов я так и не нашла. Только замок. Без ключа. Замечательно. Вокруг глухая ночь, я обошла полдома, а теперь придется возвращаться? Что же мне делать? Опять лечь в постель? Но спать не хотелось. Так почему бы не осмотреть Холлихок комнату за комнатой, не опасаясь на кого-то наткнуться? Конечно, при свете сделать это было бы легче, можно было бы разглядеть больше. Но наверняка с этим можно что-то поделаться. Где-то я видела керосиновую лампу... Прошло какое-то время, прежде чем я поняла, что лампа стояла на комодике в Комнате кукол. Рядом с куклами.

Я сплотилась. Есть комнаты, куда не захочется заходить в темноте, и это был как раз тот случай. От этих кукол у меня и днем мурашки бежали по коже. Как же войти туда ночью? Но что может случиться? Хотя я прочитала много романов ужасов, на самом деле я не верила в привидения. Я выросла в месте, где точно могли бы завестись призраки — слишком уж много девочек умерло в приюте Св. Маргариты за последние сто лет, умерло от холода, голода или болезней. Да, никто из нас не видел, как это произошло, но в приюте ходили разные слухи об этом, и сложно себе представить, чтобы было иначе...

Тем не менее никаких привидений там не было. Даже та, по ком я так тосковала, не вернулась призраком, как бы мне этого ни хотелось. Я заставляла себя не думать об этом: обычно одного воспоминания о ней было достаточно, чтобы я грустила целый день, а я не хотела грустить. От грусти никто не оживет. Элис не оживет. Элис, моя подруга. Я отличалась от других девочек в приюте. Элис тоже. Каждую свободную минуту мы проводили вместе, обсуждая темы, которые никто, кроме нас, никогда бы не понял. То, что видели только мы. То, о чем больше никто не должен был знать, ведь мы не хотели, чтобы нас назвали выдумщицами.

Пока Элис была жива, я не чувствовала себя одиноко. Когда мы выстраивались в холле под пристальными взорами приехавших в приют леди и джентльменов, то всегда держались за руки, говоря, что мы сестры и куда пойдет одна, отправится и другая. Но потом Элис умерла, а я нет. И это казалось предательством. Ее забрала не корь и не коклюш, не болезнь, которая хотя бы позволила мне попрощаться. Произошел дурацкий несчастный случай, а меня даже не было рядом. Говорили, что Элис споткнулась на лестнице, наступив на кошку, и неудачно упала — как будто можно упасть удачно! Я не хотела в это верить, но от этого ничего не менялось. Элис была мертва. Я потеряла сестру. У меня больше никого не было.

И мне больше никто не был нужен. Никакие новые подруги. Они не заменили бы Элис. А главное, я не хотела снова испытывать такую боль. Я никого не хотела терять. До этого я думала, что быть подкидышем лучше, чем сиротой, поскольку не ведала скорби по умершему близкому. Но после смерти Элис я ничем не отличалась от сирот. И как другие девочки старались не говорить о своих родителях — хотя бы потому, что остальные дети могли побить их за это или сунуть головой в миску с водой, — я замолкала, когда речь заходила об Элис. Я старалась забыть ее и с годами преуспела в этом. Я забыла столь многое, о чем не хотела вспоминать.

Но если бы призраки существовали, то Элис точно вернулась бы ко мне, в этом я была уверена. Когда люди настолько близки, их связь сохранится и после смерти, если такое вообще возможно. А этого не произошло. Значит, никаких призраков не существует. Их не было в приюте Св. Маргариты. И нет в Холлихоке.

Какие бы темные тайны ни скрывал Руфус — а я была уверена, что этих тайн очень много, — они не имели отношения к этому дому. Как и тайны его сестры, которых тоже наверняка немало. Молинье унаследовали усадьбу только недавно. Так что же может угрожать мне ночью? Может быть, старая мисс Лаванда, которой захотелось поиграть со своими куклами? Должна признать, такое невозможно. А если бы и было возможно, то она меня не пугала. На самом деле я не отказалась бы познакомиться с этой старушкой и спросить, зачем она — во имя всего святого! — собрала у себя дома так много кукол, вместо того чтобы потратить свое время и деньги на что-то более интересное. Мне нужно было ненадолго зайти в комнату и взять лампу. Ничего страшного. Да и в моей комнате лампа пригодится...

Естественно, ключа у меня при себе не было. В платье не хватало карманов, а передник мне не дали. Следовало что-то придумать — не годится, чтобы у меня не было возможности куда-то положить ключ! Итак, я поднялась по лестнице, прокралась по второму этажу, выбралась в коридор слуг и дошла до своей комнаты. Но как же найти ключ?

Я не могла вспомнить, куда его положила. То есть я знала, что куда-то его спрятала, чтобы горничная, заходившая в мою комнату, не нашла его и не украла. Но куда? Наконец я вспомнила, что бросила его в кувшин с водой. Сунув руку по локоть в кувшин, я достала ключ. Убедившись, что за окнами все та же крошечная тьма и солнце и не думает вставать, я отправилась в Комнату кукол, чувствуя, как сердце стучит в груди.

Я даже смутно надеялась, что в темноте не найду замочную скважину. Или что дверь не откроется. Но словно кто-то почистил замок, ключ легко повернулся, будто сам собой, мне даже не пришлось прикладывать усилия. Дверь бесшумно распахнулась, и в нос ударил особый запах, который для меня теперь был связан только с куклами, — пыль с легким ароматом корицы, ванили и белых кладбищенских цветов, белых, как лица кукол. До того как я сняла простыню с комода, такого запаха здесь не было.

Поскольку в комнате было так много вещей, пройти тут оказалось непросто. Хоть все и скрывали простыни, комната была битком набита куклами. Спички я оставила возле подсвечника — для них тоже пригодился бы карман! — и нашла их только с третьей попытки. Свечу я зажигать не стала — лучше я увижу глаза кукол уже днем, — но лампу нашла и забрала. Зажечь ее я собиралась в коридоре. Рукой я случайно задела одну куклу, и меня бросило в холод. В этот момент я пожалела, что вообще пришла сюда. Но я подавила страх, схватила лампу и убралась оттуда, едва не забыв запереть дверь. Но в итоге все было сделано, и я стояла в коридоре с коробком спичек, ключом и лампой в руках, готовая исследовать свой новый дом. Холлихок наполнился тайнами, и я открою их одну за другой.

С чего же начать? Такой большой дом, так много комнат... На втором этаже лучше не ходить, ведь там, наверное, находятся спальни Руфуса и Вайолет, хотя я и не знала, где именно. Там было с полдюжины дверей, и все они интересовали меня, но я не хотела случайно очутиться нос к носу с хозяевами дома. Особенно мне не хотелось видеть их в ночных рубашках. С третьим этажом была та же проблема — там находились комнаты слуг. Пожалуй, стоит начать с подвала. Если тут все устроено примерно так, как в приюте, то в подвал слуги придут часов в шесть утра, как только проснутся. Нужно вовремя растопить печь, чтобы подогреть Молинье воду для умывания, не говоря уже о том, чтобы успеть приготовить завтрак. Поскольку я часто дежурила в кухне — да, я была одной из постоянно сменявшихся рабынь миссис Хьюберт, — то имела кое-какое представление о том, какая суэта царит там по утрам. Но пока что все спали, и я могла спокойно все осмотреть.

В одной руке у меня была лампа — держать ее было не очень удобно, потому что предполагалось, что она будет стоять на столе или каминной полке. Я боялась, что ручка нагреется и я обожгусь, но пока что тепло было терпимым. В другой я держала ключ и спички. Наконец я вспомнила, что у платья присобранные у манжеты рукава — и если в складки вложить что-то мелкое, оно не выпадет. Так управляться с лампой стало легче — теперь ее можно было держать обеими руками. Но если бы кто-то увидел, как я иду по коридору в белом платье — черные чулки и туфли были незаметны в темноте — еще и с лампой в руках... Наверное, я выглядела как призрак Флоренс Найтингейл.^[5] Правда, меня называли Флоранс — на французский манер. «Флоранс» звучит красивее, чем «Флоренс». Интересно, как ее фамилия звучала на французском? В общем, если бы сейчас меня кто-то увидел, то принял бы за привидение. Привидение, смеявшееся над собой.

Лестницу в подвал я нашла нескоро. Она была продолжением лестницы для слуг, по которой можно было подняться из подвала на третий этаж, не сталкиваясь с господами, — вероятно, хозяевам дома не очень-то хотелось делить со слугами свои чудесные ковры и выложенные мрамором полы. Может, мне вообще нельзя было пользоваться большой лестницей, ведущей в холл, но я не была служанкой в этом доме, и Руфус однозначно разрешил мне ходить, куда я только захочу. К тому же я надела нарядное платье, поэтому мой вид не огорчил бы хозяев. С такими мыслями я спустилась в подвал.

Старые деревянные ступени поскрипывали под ногами, и я снова задумалась, когда же был построен Холлихок. Внизу мне уже не надо было красться. Я предполагала, что обнаружу здесь кладовую, кухню, посудомоечную, может, столовую для слуг. Ничего интересного — и уж точно ничего таинственного. Но я хотела проверить на всякий случай. И вдруг я услышала какой-то звук. Я замерла на месте. Если сейчас откуда ни возьмись опять появится Руфус, посреди подвала, ночью... Я медленно-медленно оглянулась.

Позади стоял незнакомый юноша чуть старше меня. В ночной рубашке. И он, похоже,

был испуган куда больше.

Юноша уставился на меня, как будто никогда в жизни не видел девушек. Если так и было — что ж, тем лучше, потому что я раньше не видела парней, во всяком случае на таком расстоянии. Темно-русые волосы торчали во все стороны, будто я подняла его с кровати. Но больше всего меня потрясли не его волосы, не заспанное лицо с рублеными чертами, а ночная рубашка и выглядывавшие из-под нее волосатые ноги. До этого дня я не думала, что мужчины носят такие же ночные рубашки, как и женщины, и потому мне показалось, что этот незнакомый молодой человек одет в платье. Я забыла, как только что испугалась. Да и как можно бояться босоногого юношу в ночной рубашке? Мне было его даже немного жаль: откуда бы он тут ни взялся, я, должно быть, ужасно его напугала.

— Ты... ты кто? — пробормотал он, прикрывая ладонью глаза.

Я поспешно опустила лампу — оказывается, я не заметила, что свечу ему прямо в лицо. Наверное, он действительно принял меня за призрак.

— Я Флоранс. — Я произнесла это так, будто сказанное все объясняло. — Я не хотела тебя пугать. — Я с любопытством оглянулась. Я не только не рассчитывала, что в подвале окажется чья-то спальня, но еще и ничего не слышала. — Ты откуда взялся?

Юноша указал на небольшую ширму, едва закрывавшую каморку под лестницей.

— Я тут сплю.

Вот теперь мне совсем стало его жаль.

— Под лестницей?

Это была не комната, там не было двери, не было столика для умывания, ничего не было. А я-то думала, что посудомойкам живется хуже всех!

Он рассмеялся:

— Все не так плохо, как кажется. В доме я встаю первым, растапливаю печь — и идти недалеко, очень удобно.

— Но вчера в холле я тебя не видела.

Ладно, я же и кухарку там тоже не видела, и ее двух помощниц. Сколько же людей живет в Холлихоке?

— Значит, ты девочка, которую они привезли из Лондона? — спросил юноша. — Я о тебе слышал. Но я никогда не захожу в холл. И никогда не вижу хозяев. Я Алан.

Он протянул руку, и я, немного помедлив, пожала ее. Рукопожатие у него было крепким, и я почувствовала тепло его руки, его силу и мозолистую кожу его ладони — след тяжелого труда. Руфус никогда не подавал мне руку.

— Так ты не лакей? — с любопытством спросила я.

Вчера я видела рядом с дворецким двух лакеев, и горничных было три. Похоже, даже среди слуг существовало какое-то разделение на высшие и низшие слои общества.

— Если когда-нибудь дослужусь, может, и стану лакеем. — Алан смущенно рассмеялся. — Пока что я мальчик на побегушках. Но это ничего. Я думаю, что у тех, кто работает тут, внизу, куда больше свободы, и, кроме мистера Трента, никто мной не командует. То есть Том и Гай, конечно, пытаются, и с миссис Дойл лучше не спорить... — Он опять рассмеялся, протирая глаза. — Ты с ними скоро познакомишься, я думаю. Ты же одна из нас, да?

Вот он, тот вопрос, которого я боялась.

— Что-то вроде... — уклончиво ответила я. — Извини, что я тебя разбудила. — Хотя бы он не спросил, что я делаю в подвале среди ночи. Не могла же я признаться, что тайком осматриваю дом. — Я... я, пожалуй, пойду.

Алан кивнул:

— Для работы еще слишком рано. Попробуй немного поспать, тебе придется рано вставать в имении.

— Тогда спокойной ночи. — Кивнув, я поспешно отвернулась и пошла вверх по лестнице, чувствуя себя совершенно сбитой с толку.

Всякий раз, когда я думала, что поняла, как устроен Холлихок, происходило что-то, к чему я не была готова. Подвал, видимо, придется осмотреть в другой раз, когда мне представится возможность прокрасться мимо Алана, не разбудив его. Если до этого вообще дойдет. Глупая это была идея — обходить дом, только чтобы выяснить, не скрывают ли что-то Молинье и не было ли у их тетушки зловещих тайн. Я тут не для того, чтобы строить из себя героиню. Куклы и так были довольно пугающими, не хватало еще найти труп в подвале...

Но поскольку мне все равно не хотелось ложиться в кровать и сна не было ни в одном глазу, я решила пойти в Комнату кукол. Конечно, эта мысль не очень меня привлекала, но перед созданием каталога следовало навести в ней порядок. И понять, хочу я оставлять там запыхавшиеся простыни или нет. Может быть, без накидок на мебели комната будет смотреться куда приятнее, и неважно, сколько там кукол.

Но нужно было работать так, чтобы никто ничего не заметил. Клятва есть клятва. А слуги непременно что-то заподозрят, если новая девочка начнет расхаживать по дому с огромной стопкой грязных простыней — у всех на виду. Итак, я собралась с духом, отругала себя за трусость и направилась в тайную комнату. При этом юноша из подвала не шел у меня из головы — но это к моему рассказу отношения не имеет.

Куклы меня уже ждали. Осторожно приоткрыв дверь, я протиснулась внутрь. Хотя вокруг никого не было, я хотела приучить себя открывать дверь ровно настолько, насколько нужно, чтобы никто ничего не заметил. На мгновение мне показалось, что куклы повернули головы и смотрят на меня. Но это было всего лишь наваждение. Куклы на комоды выглядели так, будто они смотрят в сторону двери, — и ничего не изменилось, когда я прошла в центр комнаты. Собственно, мне было достаточно этих кукол. Неужели действительно стоит снимать покрывала с остальных?

Я покачала головой. Ночь там или не ночь, нельзя так все воспринимать. Это всего лишь куклы. Они мне не нравились, потому что были мертвыми. Так что не надо жаловаться, раз теперь они кажутся мне живыми. И я кивнула одной из кукол.

— И не надо на меня так смотреть, — сказала я, будто куклы могли меня услышать. — Иначе я вас опять накрою, а простыни сниму только с остальных.

Они ничего не ответили — и я была рада этому.

Первым делом мне нужен был стол, куда можно было бы поставить лампу. Нельзя же оставлять ее рядом с куклами, вдруг у них одежда загорится. Да и вообще, стол пригодится мне для работы. То есть я могла писать на коленях, если мне дадут что-то подложить под бумагу, но для чернил и перьев нужна была твердая поверхность. В центре комнаты, неподалеку от дивана, как я полагала по очертаниям простыни, висел стол, но и он, похоже, был полностью уставлен куклами. Как же мне здесь работать? Наконец я решила поставить лампу на каминную полку. Камин тоже был занавешен и только едва-едва проступал под простыней, но я хотя бы могла высвободить там место. Лампа там устоит, если не случится землетрясение. А я надеялась, что ничего такого не произойдет. И я начала играть в горничную. Конечно, мне не хватало чепчика, и я многое отдала бы за метелку, но пришлось обходиться без них. Взявшись за два противоположных конца, я осторожно сняла простыню, накрывавшую стол, и тщательно сложила ее, чтобы пыль осталась внутри, а не просыпалась на меня. Но мои предосторожности оказались излишними: пыль так въелась в ткань, что не осыпалась. Тем не менее я старалась действовать аккуратно. Моя учительница гордилась бы мною! Я три года с ней спорила, поскольку она хотела, чтобы я научилась готовить, шить и вести домашнее хозяйство, а я предпочитала проводить время за чтением книг — а теперь по собственной воле убираю в комнате! Я трудолюбиво складывала

простыню за простыней, собирая их в стопочку, как будто это и было смыслом моей жизни. В этот момент я была рада, что Руфус выбрал именно меня. Я не хотела бы заниматься таким каждое утро, но при мысли, что эта комната — мое царство, где я буду безраздельно властвовать, у меня становилось теплее на душе. При этом я думала о том, сколько же времени должно было пройти, чтобы ткань так запылилась. Руфус вроде бы упоминал, что мисс Лаванда умерла три месяца назад. Не мог такой толстый слой пыли образоваться за три месяца. Так когда же заперли эту комнату?

Я видела все больше кукол. Они стояли на столе, сидели на диване, ими были набиты застекленные полки шкафа. Даже на каминной полке виднелся ряд кукол, ровный, как ряд жемчужин в ожерелье. Если бы мисс Лаванда захотела, то могла бы рассадить по десятку кукол в каждой комнате своего дома, но вместо этого собрала их все здесь. Или это сделали уже наследники, надеясь избежать взгляда стеклянных глаз в гостиных и спальнях?

Я не считала кукол, слишком уж много их тут было. Двести или триста, какая разница. Ими можно было бы осчастливить по меньшей мере три сиротских приюта. То, что девочки любят играть в куклы, я еще хоть как-то понимала. Куклы не станут спорить или дергать тебя за косички. Но зачем столько кукол пожилой женщине? Нет уж, этих богачей, особенно старых, не поймешь. Если бы дело было в том, что мисс Лаванда не имела собственных детей, то ей хватило бы две-три куклы. Но чтобы представлять себя в окружении двухсот детей-кукол, она должна быть пчелиной маткой.

Интересно, можно ли убрать кукол со стола? И если да, то куда? Я попыталась вспомнить, что говорили по этому поводу Руфус и Вайолет. Только одна кукла в день... Но я не хотела их осматривать или описывать, мне просто нужно было их убрать. И даже если придется усадить их на пол, стол мне все равно нужен. А если мне не найдется места на диване и в кресле, то Молинье придется выделить мне еще и стул.

Тем не менее я колебалась, не зная, брать ли куклу в руки. Я решила отложить решение на потом и вначале разобраться с простынями. Они были аккуратно сложены, и на полу возвышалось что-то среднее между стопкой и кучей. Я хотела, чтобы Комната кукол перестала напоминать морг, а для этого отсюда нужно убрать все лишнее, и чем раньше, тем лучше. В конце концов, не могу же я тащить всю эту грудку грязного белья по дому — меня увидят. И я не могла явиться с этими простынями к миссис Арден, Люси или кухарке. Они начнут задавать вопросы. Итак, я решила для начала спрятать белье у себя в комнате и постепенно перенести его в прачечную.

Рук не хватало. Служанкам неплохо было бы походить на осьминогов, лишние конечности им бы точно не помешали. Как бы то ни было, я никак не могла одновременно нести и белье, и лампу. Если я попытаюсь удерживать простыни одной рукой, то непременно их выроню. Пришлось погасить лампу — и полагаться на осязание. Хотя, может быть, снаружи уже было светло. Но я этого не замечала — сквозь плотные шторы свет и днем-то плохо проникал. Однако же, когда я вышла в коридор, мне не показалось, что стало светлее. Похоже, я не только проявила чудеса трудолюбия, но и справилась со своей задачей довольно быстро. Хорошо еще, что я не стала чистить ковер...

И снова мне пришлось красться по дому, чтобы никого не разбудить. Я уже дошла до своей комнаты и зажгла лампу, оглядываясь в поисках укромного места для простыней, когда мне в голову пришло очевидное решение. В коридоре я видела большой сундук с бельем, а где же еще спрятать эти простыни, как не под остальным постельным бельем, скатертями и покрывалами? На самом дне сундука их найдут не так скоро. Я вытащила пару чистых

пододеяльников сбоку и сунула на освободившееся место груды грязного белья. Тут их точно никто не обнаружит. Едва ли в одном доме, пусть даже таком большом, как Холлихок, нужно столько постельного белья. Запасное белье — как серебряные столовые приборы или куклы. Оно есть, но им никогда не пользуются. А если кто-нибудь на него и наткнется, то едва ли станет подозревать меня. В худшем случае накажут какую-нибудь служанку. Мне стало не по себе при мысли, что из-за меня у кого-то из здешних девушек будут неприятности, но в нашей жизни нельзя быть такой щепетильной.

Девочки в приюте Св. Маргариты в первую очередь усваивали одно важнейшее правило: всегда нужно заботиться о том, чтобы виноватым оказался кто-то другой, будь то сироты или слуги. Главное, чтобы мою тайну никто не узнал...

И тут меня бросило в жар. Вытаскивая из комнаты простыни и лампу, я забыла запереть дверь! Сердце билось все чаще. Тут никого не было, кроме меня, все в доме спали, даже Алан уже наверняка уснул, но все равно — я обещала хранить тайну, а если выяснится, что я забыла ключ в двери, у меня будут огромные неприятности, и свалить вину ни на кого не удастся. Позабыв о том, что нужно красться и не перебудить всех, я схватила лампу и помчалась по лестнице, не думая, что могу споткнуться и сломать себе шею. Главное — запереть Комнату кукол, и как можно быстрее. Позади остались холл, коридор... Я успела.

Ключ торчал в замочной скважине, где я его и оставила, невинный и неприметный. Выхватив ключ из двери, я прижала его к груди, точно святыню, и попыталась отдышаться. Страх все еще не отступал. Руфус гордился бы мною, узнай он о моем чувстве. Я подозревала, что любая другая девочка на моем месте ничуть бы не забеспокоилась, если бы оставила Комнату кукол открытой на пару минут в четыре часа утра, ну или сколько там сейчас было. Что могло произойти? Какая-нибудь кукла сбежала бы? Нет, они все сидели на месте, как я их и оставила. Ни одна не пропала.

Следовало признать, что без простыней и в желтом свете лампы Комната кукол казалась даже уютной. Какими бы бледными ни были лица кукол, из-за их одежды, волос и шапочек комната наполнилась яркими красками. И хотя ковер не мешало бы почистить, он оставался в тени, поэтому пыль на нем была почти незаметна. На каминной полке стояли часы, которые давно уже не заводили. То, что я приняла за сервант, в итоге оказалось роялем. Жаль, конечно, что мне никогда нельзя будет сыграть на нем. Как и вся мебель в комнате, рояль утопал под грудой кукол. Куклы, куклы, повсюду куклы. Я гордо обвела комнату взглядом — в каком-то смысле именно я была тут хозяйкой. И я надеялась, что завтра Руфус или Вайолет похвалят меня за старание. Как бы то ни было, вечно стоять тут я не собиралась.

— Спокойной ночи, дорогие мои, — сказала я. — Завтра утром еще увидимся. Приятных снов!

Я взяла лампу и направилась к двери. На этот раз я не забыла вынуть ключ из замка. Моя ладонь лежала на ручке двери, и я радовалась, что сердце перестало биться так часто. Можно было осмотреть еще пару комнат на первом этаже, дожидаясь рассвета. И тут я услышала позади какой-то звук.

Он был очень тихим, и все же я могла бы поклясться, что услышала детский смех.

На следующее утро, сидя в гостиной Вайолет за завтраком, я вновь была тихой маленькой сироткой, которую они, наверное, и хотели видеть. Я не могла произнести ни слова, не могла заставить себя съесть ни кусочка, хотя вчера ничего не ела, кроме медовых булочек утром. Но ужас случившегося ночью до сих пор не отпускал меня, и я никак не могла

от него отделаться. Выскочив из Комнаты кукол и заперев дверь — с такой силой, что чуть ключ в руках не сломался, — я провела остаток ночи в своей комнате у открытого окна. Я стояла, глядя, как фиолетовые цвета сада постепенно сменяются серым, и пыталась взять себя в руки, понять, что же произошло.

На самом деле ответ был прост, как дважды два. Дело было ночью, я переволновалась, устала — и мне просто почудилось. Но я никак не могла выбросить из головы тот смех. Он был таким задорным, что я, собственно, должна была бы рассмеяться в ответ, но вместо этого страх поразил меня в самое сердце и по телу проходили волны дрожи. Я не знала, одного ребенка я слышала или сотни детских голосов, но это не имело никакого значения, ведь в комнате никого не было. Да и смех не очень отличается от звука, который слышишь, когда у тебя звенит в ушах... Я перебрала все версии, искала объяснения, только бы не поверить в то, что действительно слышала смех. Я напоминала себе, что не верю в привидения и все это — просто какие-то фантазии в духе дешевых романчиков ужасов. Но ничего не помогало. В глубине души я знала, что мне не послышалось. Где-то в имении Холлихок, где-то в Комнате кукол рассмеялся ребенок, и это пугало меня куда сильнее любой Белой Дамы, любого призрака с собственной головой в руках, любого скелета.

Но именно сейчас, когда мне ничего не хотелось говорить, чтобы не выставить себя на посмешище, именно сейчас, когда я не знала, что тут можно сказать, Вайолет решила со мной пообщаться.

— Еще чаю, Флоранс, дорогая? — спросила она.

От слащавости ее голоса у меня мурашки побежали по спине.

Как и вчера, еды на столе было немного, да и столик был слишком маленьким, чтобы его можно было уставить всякими яствами. Сегодня к чаю подали гренки с сиропом и апельсиновым вареньем, и хотя все было таким же вкусным, как и вчера, я уже начала скучать по серой и клейкой овсянке из приюта. Есть эту кашу было неприятно — точно разваренную бумагу жуешь, — зато еда была сытной и ее хватало до вечера. Гренки были крохотными, толком даже не укусишь, и не очень-то утоляли голод. Но я с невозмутимым видом жевала. Еще чаю? Ну, чай никогда не помешает.

— Да, спасибо. — Голос прозвучал как-то пискляво, я никогда так не говорила, разве что передразнивая мисс Монтфорд.

— Сегодня ты приступишь к работе, — сказал Руфус.

По-моему, завтрак казался ему какими-то женскими глупостями и пустой тратой времени. И я еще не видела, чтобы он что-то ел, только чаю немного выпил.

— Тебе нужно что-то, кроме письменных принадлежностей, которые мы уже приготовили?

Это был подходящий момент, чтобы спросить насчет стола и стула, но я не решалась открыть рот — казалось, стоит мне заговорить о Комнате кукол, как я не сдержусь и выкрикну что-то вроде: «Пожалуйста, не заставляйте меня заходить в эту ужасную комнату!»

Итак, я просто покачала головой, делая вид, что не могу говорить, потому что у меня во рту еда, а ни одна воспитанная девочка не станет разговаривать с набитым ртом. И воспитанные девочки не выказывают свой страх. Тем не менее я боялась. Еще никогда в жизни мне не было так страшно, а я ведь гордилась тем, что ничего не боюсь. Теперь же мысль о том, что опять придется идти в Комнату кукол, вселяла в меня ужас. Нельзя было снимать эти простыни. Сняв их, я освободила то, что должно было оставаться в заточении. И теперь мне предстояло столкнуться с последствиями.

— Если ты что-то заметишь, — голос Вайолет звучал так нежно, так участливо, что я едва не сорвалась и не рассказала ей все, — если что-то бросится тебе в глаза, что-то странное, то расскажи нам. Или расскажи мне. Твоя работа очень важна для нас, и ты важна для нас, поэтому не стесняйся.

Взгляд, которым ее одарил Руфус, стоил всего этого дурацкого завтрака. Если бы в этот момент с Руфуса рисовали иллюстрацию для какого-нибудь романа, то под ней непременно стояла бы подпись: «“Молчи, женщина!” — ледяным тоном произнес хозяин усадьбы». Судя по виду, ему не терпелось удалиться в свой кабинет, или в библиотеку, или в какую-нибудь комнату, которую я еще не видела, и выйти оттуда только после того, как он прочтет сегодняшний выпуск «Таймс».

Газета лежала рядом с ним в кресле, внушительная как по виду, так и по размеру, и я надеялась, что Руфус не бросит ее в камин, а оставит где-нибудь и у меня будет возможность хоть одним глазком просмотреть ее. Раздобыть «Таймс» мне удавалось очень-очень редко, мисс Монтфорд такие газеты не читала, и приходилось полагаться на удачу на прогулке — иногда я замечала газетные листы в урне в парке, и тогда нужно было незаметно достать их оттуда и спрятать под передником. Обычно мне было все равно, что это за газета, главное, что там был какой-то текст. Я надеялась, что Руфус заказывал не еженедельники, а каждое утро получал свежие газеты по почте, и оттуда я могла бы узнать, что происходит в мире, а главное — в Лондоне. Должна признать, я все же немного скучала по дому. Я оказалась так далеко от города и не знала, увижу ли еще когда-нибудь родные улицы...

На самом деле Лондон я знала не лучше, чем Люси или Алан. Я всегда говорила, что живу в Лондоне, это звучало впечатляюще, но, если честно, я не выбиралась из Уиттона, а Крейн — это вам не Темза. Но я хотя бы всегда знала, где я. Теперь же я понятия не имела, где именно нахожусь. Очутившись в Холлихоке, я утратила связь с внешним миром и со временем, — словно усадьбу окутывал какой-то розовый туман и с тем же успехом я могла бы находиться в какой-то заколдованной картине или волшебном стеклянном шаре. Нужно было спросить Алана, где я, когда он был сонным, испуганным и не стал бы надо мной смеяться за такие вопросы, но эта возможность была упущена. Когда-нибудь я сама все выясню, даже если для этого придется написать письмо королю. Письмо ему не доставят, вернут отправителю, и я увижу, что написано на почтовом штемпеле.

— Я запишу все, что замечу, — хрипло сказала я, стараясь вести себя как обычно. — Если вы дадите мне письменные принадлежности, я без промедления примусь за работу.

И почему это я вдруг так торопилась?

Руфус молча указал на небольшой пакет на столике у двери. Посылка была запечатана — наверное, именно в таком виде ее прислали из магазина. Я подозревала, что, если мне понадобится что-то еще, можно будет просто попросить, но сначала я хотела посмотреть, что там внутри. Я еще никогда не получала посылок. Некоторым девочкам в приюте, у которых еще остались в живых дедушки, бабушки или тети, присылали на Рождество или день рождения подарки. Распаковывание подарков было особым моментом, очень торжественным, и происходило у всех на глазах. Втайне я всегда завидовала этим девочкам, хотя им присылали просто чулки, или мотки шерсти для вязания, или еще что-то подобное, чего мне совсем не было нужно. И сейчас я представляла себе такой момент — этот восторг, когда тырываешь упаковочную бумагу, напряжение, когда еще не знаешь, что лежит внутри пакета. Вот о чем я хотела думать, а не о детском смехе, который наверняка мне просто почудился.

Я бы сразу встала из-за стола, но, естественно, пришлось ждать, пока Вайолет не позвала служанку, чтобы та убрала остатки завтрака. И когда я наконец-то отправилась в Комнату кукол и открыла пакет, то выяснилось, что он не стоил всего этого ожидания. Я получила тетрадь — вернее, блокнот в твердой синей обложке, очень симпатичный. В таком блокноте стоило бы писать рассказы, но, к сожалению, мне предстояло вести в нем скучный каталог кукол. Еще в пакете лежали линейка и мерная рулетка. Письменные принадлежности — карандаш и перьевая ручка. Моя собственная перьевая ручка! Она не была позолоченной и казалась не очень дорогой, но если ей будет удобно писать, то это ценный подарок. К ручке прилагалась чернильница, к карандашу — перочинный нож. Теперь я была вооружена, ведь, как говорится, перо сильнее меча... В пакете еще лежали принадлежности для шитья, но их я сознательно проигнорировала. В том, что касалось рукоделия, Руфус выбрал не ту девочку. Я не умела и не любила шить, и уж точно никогда не стала бы рвать одежду, просто чтобы поупражняться в зашивании дыр, хотя именно так я объясняла директрисе, почему у меня постоянно порван передник.

Ну, за работу. До ужина еще много времени, и хотя Руфус полагал, что у меня уйдет где-то час на описание одной куклы, вначале мне потребуется больше времени, ведь я еще не привыкла к этой работе и не набила руку. Ладно, надо же было с чего-то начать. Я сглотнула. Яркое светило солнце, и в комнате было почти светло. Фарфоровые куклы смотрели на меня так невинно, будто вчера ничего и не случилось, и я все меньше верила в то, что действительно что-то услышала ночью. Кукла, которую я вчера держала в руках, не причинила мне никакого вреда, это я знала точно. И потом я могла показать Руфусу и Вайолет, как отлично справляюсь с описанием кукол. Лучше странная задача в жизни, чем отсутствие задач... Я сглотнула. И взяла куклу.

И опять мне подумалось, насколько же она тяжелая, эта рыжая куколка. Но в посылке не было весов, так что вес кукол, вероятно, не имел значения. Когда я взяла ее в руки, то почувствовала еще кое-что. Узнавание. Конечно, я была уверена, что это та же самая кукла, что и вчера. Она сидела слева на комод, и ночью здесь кроме меня не было никого, кто мог бы ее куда-то переставить. Но дело было не в этом. Я узнала ее не потому, что она выглядела точно так же, как и вчера. Нет, у меня возникло ощущение, что я уже видела ее раньше. Что мы знакомы. И что сегодня она рада мне куда больше, чем вчера. Это меня разозлило.

— Если это ты вчера смеялась... — начала я, но в тот же момент осеклась, ругая себя за разговоры с фарфоровыми куклами, которые не могут ответить. — Если ты еще раз так поступишь, я швырну тебя об стену, и посмотрим, кому будет не до смеха!

Мне показалось, что в углу кто-то хихикнул. Кто-то смеялся надо мной, но впечатление было смутным, будто я улавливала его только краешком сознания, совсем не так отчетливо, как вчера ночью. Может, это было воспоминание о вчерашнем смехе, которое будет преследовать меня ближайшую пару дней, пока я не привыкну к этим куклам. А разговоры с ними... Мысль была невеселой, но мне больше не с кем было поговорить. Руфус и Вайолет разрешали мне открывать рот, только когда им хотелось что-то услышать от меня, и хотя я могла перекинуться парой слов со слугами, например с Люси, сейчас они были далеко, и не могла же я ходить за ними хвостиком и мешать работать, просто чтобы поговорить о куклах. Они бы меня не поняли, к тому же мне было запрещено так делать.

Поскольку стула в комнате по-прежнему не было, я устроилась с куклой и всем необходимым на ковре. У стен горели свечи, но, чтобы лучше видеть, я поставила рядом с собой и керосиновую лампу, следя за тем, чтобы она не опрокинулась. Со скрещенными

ногами, как портняжка, я приступила к работе. Я не сказала этого Руфусу и Вайолет, но такая работа не была для меня совсем уж в новинку. Да, у меня никогда не было кукол, но когда в приют Св. Маргариты попадал ребенок — например, его оставляли в одеяльце на пороге, — нужно было подойти к делу с должным тщанием. Мисс Монтфорд вызывала двух девочек постарше — в том числе и меня, например, — и брала свою книгу для записей. Рост, вес, объем головы, особые приметы, все, что потом поможет понять, кто же этот ребенок, — вот что попадало на страницы этой книги. Однажды я даже нашла там записи о себе, но мне это не особенно помогло. Конечно, когда-то мой рост составлял сорок восемь сантиметров, а волосы были черными (наверное, однажды они просто выпали, а потом выросли уже такими грязно-русыми). Кроме медальона, о котором я и так знала, ни о чем важном речь не шла. А я-то надеялась прочесть там описание приметных родинок, которые я не видела, потому что они находились, скажем, на спине. Вдруг я нашла бы какие-то признаки того, что я давно потерянная принцесса... Но ничего подобного. И я прекратила поиски. Все равно от них не было никакого толку. Я та, кто я есть, вот и все.

И теперь процесс описания куклы, по сути, напоминал занесение данных подкидышей в книгу мисс Монтфорд. Я попыталась вспомнить, играла ли когда-нибудь в куклы. Наверное, когда я была маленькой, у меня были деревянные или тряпичные куклы, но они, видимо, не произвели на меня особого впечатления и в итоге оказались у какой-то другой девочки, которой пришлось больше по душе. Вначале куклу нужно было раздеть... Я хихикнула как дура. Мы в приюте Св. Маргариты были пристойными девочками, мы знали, что нельзя раздеваться догола, по крайней мере при свете, но кукла под нательной рубашкой и панталонами наверняка выглядела иначе, чем я, к тому же тут не было никого, кто мог бы за ней подглядывать. Я осторожно начала раздевать куклу, стараясь ничего не сломать и не порвать. К тому же потом мне придется ее точно так же одеть.

И вскоре она уже лежала передо мной, голенькая и беспомощная. Да, я уж точно не захотела бы поменяться с ней местами. И те, кто как комплимент говорили девушке, мол, она просто куколка, явно не думали о шариках на месте локтей и колен, странном изгибе рук и щели, проходившей по центру корпуса, прямо под пупком.

Я не особенно разбираюсь в куклах, но сразу поняла, что Руфус знает о коллекции своей тетушки еще меньше, чем я. Может, мисс Лаванда говорила только о фарфоровых куклах, и Руфус думал, что они все такие. Но, кроме головы, кукла была сделана из какого-то другого материала, похожего на папье-маше, какой-то плотной массы, покрытой несколькими слоями краски или лака, это я определить не могла. По телу куклы тянулась сеточка тонких трещин. Особенно растрескались ступни, такая паутина линий. Кукла сейчас чем-то напомнила мне яйцо незадолго до того, как должен вылупиться птенец. Странно, но после этого кукла вдруг понравилась мне намного больше. Я была рада, что она оказалась несовершенна, на ее теле были изъяны и из-за долгого времени в неотопливаемой комнате ей пришлось нелегко. Сейчас уже наступило лето, но если мне можно брать в руки только одну куклу в день, то я не справлюсь до зимы, и хотя мне бы и в спальне не помешало отопление, намного важнее было позаботиться о работающем камине в Комнате кукол. Судя по виду этой куклы, ей было холодно — обнаженное тело создавало иллюзию хрупкости, она почти казалась человеком, и я поторопилась поскорее обмерять ее линейкой и рулеткой и внести показания в блокнот. При этом я чувствовала, что занимаюсь чем-то очень важным. Было в этих записях что-то официальное, точно эта книга сохранится еще долго после моей смерти и через несколько столетий люди будут читать этот каталог, рассматривая его как важный

документ.

Я измерила не только длину куклы, но и длину ее рук и ног, поскольку когда-то слышала, что именно так поступают с преступниками — не только для того, чтобы сшить им тюремную форму по размеру, но и чтобы потом их можно было опознать. Я пересчитала и ее зубы, думая, что в детстве наверняка бы испугалась куклы с приоткрытым ртом — у нее был такой вид, будто она вот-вот меня укусит. Итак, я очень дотошно подошла к делу. Я даже старалась писать как можно разборчивее, подражая почерку мисс Смайли из библиотеки. Читатели оставляли ей в залог фартинг и брали книгу, а она вносила имя читателя в большую книгу. Так завершался процесс выдачи книг, и было в этом что-то магическое.

Только с одним у меня возникли проблемы — эту куклу мне нужно было как-то назвать. Нет, у меня в голове крутилось много красивых имен — святые из молитвенника, героини бульварных романов... У них всех был шанс подарить свое имя кукле. Но было в этом что-то странно окончательное. Каждый день я могла как-то называть куклу, но когда имя уже записано, изменить его было нельзя. И еще мне вспомнились слова Люси о том, что господам не понравилось ее настоящее имя. Я не хотела попасть в неприятности из-за того, что как-то неправильно назову куклу. Лучше просто их нумеровать. Вот мисс Монтфорд тоже придумывала имена подкидышам, а людям потом приходилось жить с этими именами до самой смерти, если кому-то, конечно, не вздумывалось переименовать их, как случилось со мной и несчастной Люси.

В этой ситуации, конечно, было бы удобнее, если бы куклы умели говорить.

— Ну же, скажи мне свое имя, — велела я, чуть встряхивая бедняжку. — Раз уж ты умеешь смеяться, — (я знала, что это все еще мои домыслы), — то почему бы тебе не сказать, как тебя зовут?

Конечно, я была рада, что она мне не ответила. Если бы кукла заговорила, я от ужаса уронила бы ее на пол и она могла бы повредить свое милое личико. Но кукла молчала.

Неважно, я могла оставить строчку для имени пустой, я ведь и так знала, какая кукла имеется в виду. И может быть, если я правильно оценила характер Руфуса и Вайолет, это лишь очередная ловушка, проверка, не захочу ли я тайком поиграть с куклами. Если кто-нибудь спросит, то я назову ее Дитя Осени. Вроде бы и имя, а вроде бы и нет. Я записала это имя карандашом, чтобы его можно было изменить, если мне придет в голову что-то получше. Потом я одела куклу и усадила на комод.

При этом я чуть не упала. Когда я встала, ноги у меня подогнулись, так они затекли, и пришлось схватиться за стену. Я рассмеялась, думая о шариках, заменявших куклам колени. Сколько же я так просидела? Я не знала, час прошел или три — я писала медленно, старательно выводя каждую букву, но текста получилось не так уж много. Чтобы описать Дитя Осени, эту рыжеволосую куколку, мне потребовалась всего одна страница.

Но судя по тому, как у меня затекли ноги, было ясно одно: нужно срочно пройтись, лучше всего на свежем воздухе. До ужина наверняка еще много времени, а после пыльной комнаты — пыль от ковра до сих пор щекотала мне нос — идти в библиотеку не хотелось. Надо выйти в сад, на природу, насладиться этими дикими зарослями, пока Руфусу не пришла в голову идея заставить садовника выкосить все подчистую.

Я была довольна собой и даже надеялась по дороге в сад встретить Руфуса или Вайолет и похвастаться своими достижениями. Работа оказалась довольно приятной, но мне нужна была похвала. Я вышла из комнаты и заперла дверь. И снова разозлилась, что у меня нет карманов для ключа. В итоге я положила его в чулок, закрепив резинкой, и хоть ходить так

оказалось не очень удобно, было в этом что-то распушенное, и это меня утешило. Я читала, что некоторые женщины носят так пистолет, — значит, с маленьким ключиком точно проблем не возникнет! Только после этого я наконец-то отправилась в сад.

Но от сада усадьбы Холлихок меня отделяла дверь. И она была закрыта. Как и ночью, открыть огромную двустворчатую дверь в холле не удалось, но на этот раз меня застучали. Сзади я услышала покашливание, наводившее на мысли о дворецком. Мне даже не пришлось оглядываться, чтобы понять, с кем я имею дело. Он стоял и смотрел на меня поверх очков, этот пожилой высоколобый мужчина со впалыми щеками. Но, в отличие от Руфуса, ему я взглянуть в глаза не боялась, и потому посмотрела на него — вежливо и отстраненно.

— Мистер Трент, я бы хотела выйти в сад. Вы не подскажете, как мне открыть дверь?

Алан назвал мне имена всех слуг-мужчин в этом доме, а я быстро училась.

— Эту дверь открывают только для господ и гостей этого дома. — Мистер Трент умудрился посмотреть на меня сверху вниз, хотя сильно сутулился и был не намного выше меня.

Я могла бы указать на свое белое платье и заметить, что такие носят только леди, а значит, меня можно считать гостьей этого дома, но не захотела ссориться с дворецким сразу после приезда.

— Я могу воспользоваться и выходом для слуг, если вас не затруднит показать мне, где именно он находится.

Дело было не в двери и не в принципе. Мне нужен был только сад.

— Вы не воспользуетесь и выходом для слуг, поскольку не покинете этот дом.

Его голос звучал мрачно, но меня это не испугало. Более того, ситуация была настолько абсурдной и все это так напоминало роман ужасов, что я чуть не рассмеялась.

— Кто это сказал? Мистер Молинье?

Руфус позволил мне ходить по усадьбе куда вздумается, а сейчас мне вздумалось выйти на свежий воздух.

— Я действую сугубо по распоряжению. — Мистер Трент не уточнил, по чьему именно распоряжению. — Если хотите, я провожу вас в библиотеку.

Еще никогда в жизни я не чувствовала, чтобы мне так не хотелось идти в библиотеку, как в этот момент. Я что, в ловушке в этом доме? Ну нет, они плохо меня знают. Я никому не позволю себя запереть! Но сейчас легче было не спорить. Лучше найти какое-нибудь подходящее окно и выбраться наружу. А уж внутри я как-нибудь попаду.

— Да, пожалуйста.

Может быть, Руфус опасался, что я воспользуюсь возможностью и убегу, поскольку мне не хотелось вести каталог кукол? Или он знал о том, что случилось ночью? Как ни в чем не бывало я пошла за дворецким в библиотеку. Она находилась за дверью, у которой я едва не начала подслушивать вчера. Но дверь была такой плотной, что я все равно бы ничего не услышала. Я постаралась скрыть свой восторг, но по сравнению с этой библиотекой несчастная комнатка на углу дома у мисс Смайти смотрелась жалко. В конце концов, мисс Смайти была просто старой девой, которая всю жизнь собирала книги, а теперь пыталась немного подработать, одалживая то, чем владела. Ее дом находился неподалеку от моей школы, и я постоянно могла к ней ходить. И, в сущности, книг у нее было немало, впечатляющая коллекция.

Но эта библиотека... Сравнить ее с комнатой мисс Смайти — все равно что сравнивать королевскую корону с бисерным браслетом. Теперь я поняла, что имел в виду

Руфус, говоря, мол, мне не понадобятся мои книги в имении. Но о Руфусе мне сейчас думать не хотелось, и я сосредоточилась на окнах, оказавшихся вовсе не такими большими, как в Утренней комнате. Потребуется ловкость, чтобы спрыгнуть оттуда на лестницу, не переломав себе ноги. Но я была уверена в своих силах. Главное — не испачкаться, иначе все догадаются, что я сделала. А при определенной удаче у меня даже был шанс забраться в то же окно после прогулки. Задача спуститься из окна моей комнаты на крышу пристройки была бы куда сложнее. Я дождалась ухода мистера Трента и услышала, как ключ поворачивается в замке. Ну что за глупая, глупая идея — запирать девочку в библиотеке, не спросив, не надо ли ей еще куда-то сходить. Seriously, Руфус должен радоваться, что я просто из окна вылезу — и все.

Вначале я испугалась, что окно не откроется, но хоть створки поддавались с трудом, в итоге они распахнулись и в комнату проник свежий, наполненный ароматами сада воздух. Я забралась на подоконник и чуть помедлила. Тут было не так высоко, как я боялась. Я спрыгнула. Мое платье надулось, как парус, и я мягко приземлилась на корточки. В голове даже мелькнула картинка, как я торжественно раскланиваюсь перед невидимой публикой и только потом иду в сад. Интересно, меня накажут за побег? Если да, то как? В этот момент мне было все равно. Я стану напирать на то, что Руфус позволил мне выходить в сад, а если мистеру Тренту вздумалось придумывать новые правила, то при чем же здесь я...

В саду ветвились тропинки, но я не обращала на них внимания. Я хотела чувствовать траву под ногами, ветер на лице и приключение в сердце. Чем дальше я отходила от дома, тем больше успокаивалась. Конечно, когда-то мне придется вернуться туда — не могу же я просто сбежать из имения, не разгадав тайну кукол, — но главное, что сейчас я здесь.

Я старалась держаться подальше от дома, чтобы мое белое платье никто не увидел через окно, и наслаждалась лучами солнца — в городе мы видели свет солнца не чаще, чем свет звезд. Холлихок был словно зачарованным местом, где никогда не идет дождь и всегда стоит хорошая погода. А в саду, должно быть, живут феи, и в любой момент я могла заметить их среди цветов.

За домом начинался холм, поэтому окна Комнаты кукол и Утренней комнаты находились вровень с землей, и мне пришло в голову, что то ли архитектор так и задумал, чтобы в эти комнаты можно было войти через окно, то ли раньше тут располагалась веранда. Главное — следить за тем, чтобы меня не заметили. Я тихонько подобралась к окну Комнаты кукол — и сразу заметила, что что-то с ним не так. При таких размерах оконных рам легко было разглядеть, вымыто окно или нет, и если все остальные окна Холлихока были отмыты до блеска, то это покрылось толстым слоем грязи. Внутри вообще ничего не было видно, даже крошечной щелочки между шторами, оставшейся после моей неудачной попытки впустить в комнату солнечный свет. В Комнате кукол царил мрак — ни намек на множество небольших фигурок, населявших эту комнату, но не наполнявших ее жизнью.

Прогуливаясь по саду, я вынуждена была признать, что недооценила Холлихок. Да, кое-где вид у имения был запущенным, но повсюду велись работы над тем, чтобы исправить эту ситуацию, начиная от сияющих окон и заканчивая недавно подрезанными кустами. Судя по виду одного из них, садовник пытался придать ему форму кролика, но еще не закончил работу, и только половина куста напоминала этого зверька. Кто же трудится в саду? Я не могла себе представить низенького, сутулого мистера Трента с садовыми ножницами. Может, кучер выполняет и обязанности садовника, должен же он чем-то заниматься, когда не возит Молинье в Лондон.

Вокруг виднелись разнообразные постройки, не соединенные с домом: помещение для карет, конюшня — туда я войти не решилась, потому что немного побаивалась лошадей. Зато я нашла кое-что еще, и это оказалось для меня новой загадкой. На самом краю сада, скрытая от всего мира густыми зарослями ежевики, высилась небольшая часовня. И если в остальном имении постепенно восстанавливался порядок, тут запустение лишь усиливалось: часовню не открывали уже много лет.

Дверь была заперта на прочную цепь, когда-то наверняка серебристую и блестящую, теперь же почерневшую от времени. На цепи висел огромный замок — и не похоже, что его повесили сюда при моей жизни. Внутри заглянуть было нельзя, только над дверью виднелась узкая щель, через которую проникал свет, но чтобы туда добраться, мне пришлось бы встать на табурет. Часовня выглядела старой — может, она была даже старше Холлихока, — и изображение на торце крыши так выгорело, что там уже ничего нельзя было разобрать. Но зачем кому-то запирали часовню? Разве что это место было осквернено, причем самым чудовищным образом. Я вообразила себе, что там находится тайный склеп, где днем спит вампир, — кстати, меня бы не удивило, если бы Руфус оказался вампиром, учитывая, какой он бледный и мрачный. Но разве вампиры могут расхаживать при солнечном свете? По моему, нет. Видимо, нужно смириться с тем, что даже Руфус — самый обычный человек.

Я обошла часовню, но никакого другого входа не нашла. Даже заглянуть было некуда. Мысль о том, что в имении есть своя часовня, казалась очень привлекательной, ведь из окон Холлихока не были видны деревушки, и в округе я не заметила ни одной церкви, хотя, может быть, она скрывалась за высокими холмами, обступившими поместье со всех сторон. Я надеялась, что господа позволят мне поехать с ними в церковь в карете, ведь пешком туда добраться явно будет непросто. Ужасный путь — и мысли о вознесении молитвы Господу едва ли развеивали опасения перед такой долгой прогулкой.

Но этой часовней мы уж точно не сможем воспользоваться в ближайшее время, тут осталось только здание, со всех сторон окруженное густыми зарослями. Ежевика еще не созрела, часть кустов даже стояла в цвету — казалось, в этом саду все цветет одновременно, — и я не стала подходить слишком близко, чтобы не порвать о колючки платье или чулки. Я запомнила это место, и если в библиотеке найдется книга об истории Холлихока, то я постараюсь узнать все об этой часовне. Мне представлялось, что когда-то Холлихок был рыцарским замком, гордой и неприступной крепостью какого-то крестоносца, но затем его наследники построили на этом месте более современное, как им казалось, сооружение, а старое снесли. А вот часовню сносить, конечно же, запрещалось, ведь за разрушение храма можно попасть в преисподнюю, и потому она выстояла, хотя все о ней и позабыли. А может быть, этой загадке найдется куда более простое объяснение: в часовне начала проваливаться крыша, и потому ее заперли, чтобы никто не пострадал...

Но я пришла сюда ради сада, поэтому продолжила прогулку. Цветы я рвать не стала — мне не нравится, когда они вянут и начинают вонять, я думаю, что цветы красивее всего на клумбе. Тот, кто все это здесь посадил, был настоящим мастером своего дела. Я еще никогда не видела, чтобы так много разных цветов цвели одновременно. Тут были и подарившие название имению мальвы, и пара нарциссов, которые в Лондоне уже давно отцвели, и дикие розы, и шиповник, и множество других растений, названия которых я не знала. Вот еще зачем стоит заглянуть в библиотеку — там наверняка найдется атлас цветов. В этот момент я даже готова была взять уход за садом на себя — не потому, что любила копаться в земле, а просто чтобы не позволить местному садовнику изменить что-то в этом пышном

великолепии.

Только лабиринт меня разочаровал. Я дошла до высокой, разросшейся живой изгороди, ровно протянувшейся вдоль одной стороны парка, и обрадовалась, что наконец-то попала сюда — я так мечтала об этом, глядя из окна спальни. Я направилась вдоль изгороди, свернула за угол, еще раз и еще... Он точно был заколдован. В какой-то момент я вернулась туда, откуда начинала, а вход так и не нашла. Разве смысл лабиринта не в том, чтобы искать из него выход? А я не могла найти вход. Может, за долгие годы тут все просто заросло, но я так хотела побродить там... Если Руфус все-таки скажет садовнику все тут поменять, то ему стоит заняться исключительно лабиринтом, а остальное оставить в покое.

Я могла бы провести в саду целый день, наслаждаясь удивительным новым ощущением свободы, вызывавшим во мне неведомую ранее дрожь. Но я уже беспокоилась, что кто-то заметит мое отсутствие в библиотеке, и если раньше я гнала от себя мысли о возможном наказании, то теперь, в окружении всей этой красоты, испугалась, что меня навсегда лишат прогулок и запрут в подвале, где мне, как и Алану, придется жить, не радуясь солнечному свету, запахам травы и цветов. Два дня назад я даже не подозревала, что все это окажется для меня таким важным. Теперь я уже не могла рассмеяться Руфусу в лицо и сказать: «Ну и наказывайте меня — вы все равно не лишите меня небес!» Ведь именно это он и мог сделать.

Вместо того чтобы поваляться на траве и помечтать или раздеться и поплавать в пруду с кувшинками, мне пришлось возвращаться в библиотеку.

Мне повезло. Окно, через которое я выбралась, по-прежнему было открыто — добрый знак, что никто еще не узнал о моем побеге. Но оказалось, что забраться внутрь сложнее, чем

выпрыгнуть наружу. Намного сложнее. Я могла дотянуться до подоконника кончиками пальцев, но, хотя я и умела удерживать равновесие на перилах, в подтягивании это не поможет. Оставалось два варианта: можно было подняться на крыльцо и попробовать запрыгнуть на подоконник с перил или же подпрыгнуть, схватиться за внутренний край подоконника и подтянуться. Мне показалось, что второй вариант проще, и с третьей попытки у меня действительно получилось повиснуть на подоконнике. Сейчас я была рада, что мисс Монтфорд не жалела сирот и заставляла заниматься тяжелым физическим трудом — во всяком случае, я подумала, что благодаря этому у меня такие сильные руки. А может быть, мне помогли и скудные обеды миссис Хьюберт — из-за них мы все оставались худенькими, и сейчас мне было не так тяжело подтягиваться. В общем, чьей бы заслугой это ни было, я сумела забраться в комнату. Моя прогулка в саду подошла к концу.

Я осторожно осмотрелась. Меня испугала какая-то тень, и на мгновение я подумала, что это Руфус сидит в кресле, но, к счастью, я была в комнате одна, а тень мне просто померещилась. Я поспешно закрыла окно. Вот теперь никто не узнает о моей небольшой экскурсии. Сейчас можно и в библиотеке посидеть: мое желание погулять на свежем воздухе, наслаждаясь свободой, исполнилось, я отвлеклась от кукол, моя голова наполнилась совсем другими мыслями, а если я еще и найду что-нибудь интересное почитать, то время до ужина пройдет незаметно.

Сколько же здесь книг! Толстые тома в старых кожаных переплетах — я даже знать не хотела, сколько этим книгам лет, и не решалась прикасаться к ним. Мне не очень-то хотелось во второй свой день в Холлихоке сознаваться хозяевам, что я порвала бесценную книгу. Я посмотрела на свои руки. Изначально я надеялась, что они останутся чистыми, ведь во время прогулки по саду я держала их за спиной, чтобы не выпачкаться, и даже цветы не рвала. Но это было до того, как я начала подтягиваться на подоконнике. Теперь же руки были грязными и исцарапанными, к тому же я еще и испачкалась в извести. Наверное, если бы тут была какая-то тряпка, руки можно было бы оттереть. Хм, может быть, воспользоваться шторами или моей нижней юбкой?

Но, посмотрев на платье, я поняла, что грязь на пальцах — только часть проблемы. На белом платье остались явственные следы моего подъема на подоконник. В саду я все время помнила о том, что платье нужно беречь, и потому не пошла в заросли ежевики и не стала садиться на траву. А потом я забиралась по стене дома, пыльной и грязной. По платью это сразу было видно. Да уж, у меня неприятности. Такую грязь в библиотеке не найдешь, даже если будешь доставать с полки самые пыльные тома. Мне нужно вернуться в свою комнату, спрятать платье в шкафу или где-то еще и переодеться в другое — и все это, не поправшись на глаза Руфусу. Иначе... Не знаю, что случилось бы иначе, и выяснить это мне в тот момент не хотелось.

Я на цыпочках подошла к двери, чтобы проверить, действительно ли она заперта. Может, нужно было сделать это сразу. Вдруг мне просто показалось, что ключ повернулся в замке? И на самом деле мистер Трент вовсе не был таким вредным? Я повернула дверную ручку — ох, хоть бы она не заскрипела, хоть бы этот звук не привлек внимание мистера Трента или Руфуса. Я не собиралась трясти запертую дверь, это только позабавило бы дворецкого. Ручка не скрипела, но дверь действительно была заперта. И тут уж ничего не поделаешь. Я посмотрела в замочную скважину, вернее, попыталась это сделать — с той стороны в ней торчал ключ. Вот бы до него добраться... Нужно подумать. Или ждать, пока меня выпустят. Ничего другого мне не оставалось. Ну и злиться, что я позволила себя

запереть, конечно.

В первую очередь мне нужна была книга. Большая книга. Не потому, что я не любила читать маленькие книги, — так я могла спрятать от чужих глаз грязь на платье. Самой большой книгой из тех, что сразу бросились мне в глаза, оказался географический атлас. Он был огромен, даже не помещался на полке, и для него пришлось сделать отдельную подставку. Когда я взяла его в руки, выяснилось, что он еще и ужасно тяжелый. Открыв атлас, я уютно устроилась в кресле — и принялась разглядывать карты. Я не знала, как произносятся названия далеких городов и как живут люди в дальних краях, но я словно затерялась в этих чужих мирах. В библиотеке царила тишина, ничто меня не отвлекало, и я, забыв о времени, листала страницы атласа, представляя, что путешествую по этим диковинным странам. На картах были белые пятна, неизведанные земли, и я полагалась на силу своего воображения, выдумывая, что могло бы там находиться. Атлас был очень старым, и я не знала, что начали наносить на карты после того, как он был издан, но мне было все равно. Для меня эти неведомые страны символизировали величайшие приключения, и я подолгу всматривалась в каждую карту, стараясь, чтобы она запечатлелась в моей памяти в мельчайших подробностях. Я так увлеклась этим занятием, что не заметила, как кто-то открыл дверь. И только когда прозвучал голос Вайолет, сладкий как мед, я подняла голову.

— Я смотрю, ты тут уже освоилась.

Моргнув, я кивнула.

— Да, большое спасибо. — Я отвечала механически, слова лились из меня, как льется мелодия из шарманки: шарманщику нужно просто крутить ручку, не задумываясь о нотах. — Очень красивая библиотека.

Мне показалось странным, что именно Вайолет пришла за мной, а не Руфус. Я почему-то думала, что библиотека — это его любимое место. Но, вероятно, я ошибалась. В конце концов, Руфус только недавно унаследовал Холлихок, и все эти книги собирал не он. Должно быть, их приобрела мисс Лаванда или, что еще вероятнее, ее предки, ведь она и так тратила много денег и усилий на кукол, едва ли у нее хватало времени на что-то еще, в том числе и на книги. И даже если мисс Лаванда умерла уже очень, очень старой, многие книги были куда старше.

— Я очень рада. Но, может быть, ты хотела бы освежиться?

Я поняла, что она имеет в виду, но не стала говорить, что я уже облегчилась в саду, в тени лабиринта, где никто меня не мог увидеть. Такую тему не станешь поднимать в разговоре с леди. Впрочем, может быть, она просто предлагала мне вымыть руки.

— Да, с удовольствием. Вы не подскажете, который час?

Мой план состоял в том, что Вайолет посмотрит на часы, а я тем временем незаметно прошмыгну к двери, чтобы она не увидела мое платье. Вайолет точно обратит внимание на грязь, она ведь женщина. Хотя на самом деле, похоже, она не очень интересовалась нарядами и модой — сегодня на ней опять было платье пастельных тонов, все в рюшах и с нижней юбкой на каркасе. Должно быть, такие платья носила в юности королева Виктория.

Но Вайолет не потянулась за карманными часами. Улыбаясь, она указала на огромные часы над дверью, которые я до того не замечала. Только сейчас я услышала, как громко они тикают. Половина шестого. Потрясающе, как быстро пролетело время! Нужно поторапливаться, наверное, уже скоро ужин. Может быть, стоило бы спросить мистера Трента, когда подают ужин для слуг, но мне не хотелось вступать с ним в какие-либо беседы сверх необходимого.

— О, надо же. Спасибо, что зашли сюда, иначе я могла бы просидеть так всю ночь.

Как же выбраться отсюда, чтобы она не заметила мое платье? Вайолет стояла прямо перед креслом...

— Можно мне взять атлас в комнату?

Я изобразила очаровательнейшую улыбку — обычно ее хватало, чтобы растопить сердце мисс Смайти, когда у меня было всего полпенни, а я хотела взять больше книг, чем полагалось. К счастью, мисс Смайти тепло относилась к сиротам. А вот Вайолет...

— Конечно, нет! — Она рассмеялась. — У нас есть библиотека, тут можешь читать сколько хочешь, но книги отсюда выносить нельзя.

Но тут она, сама о том не подозревая, сделала мне огромное одолжение — отошла и принялась осматривать ряды книг. Я вскочила и метнулась к двери.

— Тогда пойду освежусь! — крикнула я через плечо. — До свидания, мадам.

И я убежала, не дожидаясь ответа. Может быть, завтра за завтраком Вайолет отругает меня за это, ну и пусть, все равно из-за испачканного платья неприятностей было бы больше. Я помчалась вверх по лестнице — такое поведение не приличествовало девушке, но я торопилась спрятаться у себя в комнате. Нужно было переодеться и идти на ужин.

К этому времени я уже немного научилась обращаться с этим платьем и знала, как его снимать, поэтому на переодевание не потребовалось много времени. Если поначалу я смеялась над тем, что для меня сшили три одинаковых платья, то теперь была этому очень рада. Слегка запыхавшись, я спустилась в подвал около шести часов — я надеялась, что сейчас около шести, поскольку не слышала, чтобы где-то в доме пробили часы, а своих у меня не было. Вообще, мне нужен был будильник. Я решила осторожно поговорить об этом с экономкой — и о переднике. Хотя я еще не общалась с этой женщиной, безусловно, она заинтересована в том, чтобы никто не опаздывал на ужин, и если у нее такой характер, как я думаю, то для нее нестерпима сама мысль о девушке без передника.

Мыкаясь по подвалу и не зная, куда направиться, я втайне надеялась встретить Алана. Но под лестницей его не оказалось — как не было и никаких следов того, что там вообще кто-то когда-то спал. Только увидев сложенную ширму в углу, я поняла, что эта встреча мне не приснилась. Наверное, он на день убирал матрас и постель в шкаф.

Поколебавшись, я решила заглянуть в кухню. Искать столовую для слуг мне пришлось бы долго, если такая тут вообще имелась, а в кухне мне хотя бы уже довелось побывать. И снова я увидела пухлую краснощекую кухарку и служанку, чье имя я еще не знала. Люси тут не было, но, наверное, она сейчас убирала где-то в доме.

— Да? Чего тебе? — неприятливо осведомилась кухарка.

Я сглотнула.

— Я хотела спросить, скоро ли ужин.

— Вот, значит, как? Хозяева считают, что мы недостаточно быстро работаем? И прислали тебя разнюхать, уж не обленились ли мы тут, а?

Эх, а я еще считала нашу миссис Хьюберт пренеприятнейшей особой! Наверное, всех кухарок не только обучают кулинарному мастерству, но заодно еще учат грубить, ворчать и ругаться — без этого никак.

Я покачала головой:

— Нет, я спрашиваю, потому что мне сказали ужинать с вами и остальными слугами.

— Ха! Вот как! — воскликнула кухарка и расхохоталась.

— Что здесь происходит? — строго спросил кто-то за моей спиной.

Если бы голос не был женским, я решила бы, что это мистер Трент. Наконец-то я познакомлюсь с экономкой. Я повернулась и присела в книксене.

— Простите, мэм, мы с вами еще не встречались. Я Флоранс, новенькая. Мне сказали, что я буду ужинать со слугами.

Экономка — если я правильно помнила, ее звали миссис Арден — смерила меня взглядом. Ей не хватало очков мистера Трента. Да, очки бы ей не помешали — не потому, что она плохо видела, а просто для того, чтобы посмотреть на меня поверх оправы.

Миссис Арден оказалась худощавой пожилой женщиной с опрятным чепчиком — когда-то он был белым, но теперь уже начал сереть. Черное платье подчеркивало ее статус.

— Так, Флоренс. — Она произнесла это имя на английский манер, будто считала все французское проявлением дурного тона. — Ты опоздала.

— Ой, извините, я не знала, когда подают ужин. Вы меня ждали?

Ее строгое лицо ничуть не смягчилось, ни тени улыбки.

— Если не знала, то должна была спросить. И нет, мы никого не ждем, когда садимся ужинать. Если кто-то опаздывает, он сам виноват.

У меня заурчало в животе. Два дня подряд мне удавалось только перекусить сладостями за завтраком, надолго этого не хватало. Я надеялась раздобыть себе ужин, чтобы не ложиться спать голодной.

— Чтобы я завтра не опоздала, позвольте спросить, когда же все-таки ужин? — осторожно поинтересовалась я.

— Мы едим в час, — ответила миссис Арден.

— Нет, я имею в виду не обед, а ужин, — поспешно уточнила я.

— Именно.

— В час дня? — потрясенно спросила я.

Я просто не могла в это поверить. Час дня? Впрочем, ужин в час ночи — это тоже едва ли возможно.

Экономка кивнула:

— Правила есть правила. Стоит их придерживаться, если ты хочешь чего-то достичь в этой жизни.

Я потупилась.

Вид у нее был суровый и непреклонный, но в то же время я чувствовала, что ей можно доверять, чего нельзя было сказать о дворецком. Миссис Арден отвечала за всех служанок в этом доме, и я вполне могла себе представить, что горничные слушались ее, как собственную мать.

— Я буду следить за этим, — поспешно сказала я. — Извините, вы не подскажете, где я могла бы взять передник? Хозяйева дали мне это замечательное платье, но передника при нем не было.

— Ты злословишь на хозяев? — возмутилась миссис Арден. — Хочешь сказать, они плохо о тебе заботятся? Ты сирота, как я слышала. Тебе не кажется, что ты могла бы выказывать больше благодарности?

— Но я им благодарна, — возразила я. — Даже очень. Я просто боюсь испачкать платье, если буду ходить без фартука.

[Купить полную версию книги](#)

Эльвира Мадиган — историческая личность, датская цирковая артистка, сбежавшая со своим возлюбленным, лейтенантом Сикстеном Спарре. Граф Спарре был женат, а когда поднялся скандал в газетах, застрелил свою возлюбленную и покончил с собой. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Хотя сама книга написана на немецком языке, героиня ссылается на значение английского слова *hollyhock*, что в переводе означает «мальва».

Дик Турпин (1705–1739) — историческая личность, английский разбойник, ставший героем многих песен.

Белая Дама — персонаж легенд разных народов, призрак женщины в белой одежде, предвещающий несчастье.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — историческая личность, общественный деятель Великобритании.